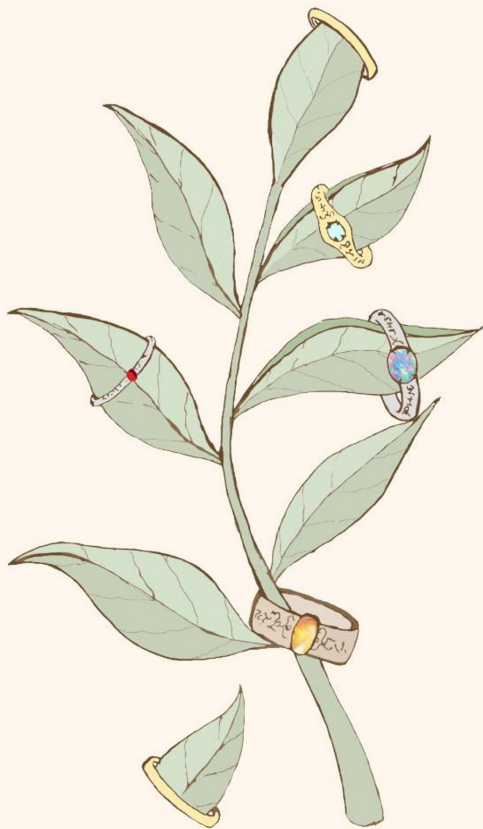

Лаврийский ювелир

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Даниил Карпоев

18+

Даниил Карпоев

Лаврийский ювелир

<https://litres.ru/74332998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ювелиры в Лаврилии не делают простых украшений, они заточают саму магию в металл. Кольца, созданные ими, подчиняют стихии, рушат и возводят империи, превосходят смерть. Эта сила – гарантия процветания всего королевства, что, впрочем, рискует задохнуться под гнётом собственного богатства.

Молодой ювелир по имени Лука и рядом не стоял с настоящими мастерами, его кольца – неказисты и смехотворны. Его удел – отливать пряжки, да чеканить пуговицы, но случай, злой рок, или же сам Спаситель вынуждает его примкнуть к «неудавшемуся» заговору против самого короля.

Луке предстоит убедиться что истинная сила кольца – не в рунической формуле, сияющей в золоте, и даже не в самоцвете, что пульсирует от запертой в нём мощи. Сила в том, кто носит магическое кольцо. И если ты знаешь это – выступишь в битве.

В тайной битве за трон самого процветающего, но хрупкого королевства в мире.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Первая капля	9
Глава 2. Государственный думатель.	40
Глава 3. Шедевры не тлеют.	78
Глава 4. Отшельник и лжец.	122
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Даниил Карпоев

Лаврийский ювелир

Пролог

Его Величество Чезаре Вератто стоял как античная статуя пока слуги роились вокруг. В дюжину рук его тёрли надушенным шелком, ловко завязывали тесемки белых одежд, укладывали уже двадцать лет как такие же белые, но всё ещё многочисленные волосы. Сам Лаврийский король метал взгляд поверх согбленных слуг то на собственное отражение, то на золотой венец, лежащий на красной подушке.

Как же редки стали поводы водрузить его на голову. По счастью турнир в честь полнолетия внука канцлера отлично подходил.

— Ваше Величество, — прервал самолюбование дворцовый сенешаль, — Папская делегация, как и ожидалось, не прибыла.

— Эти пастухи упрямее своих овец... Кто занял их ложу? Синьор Фарнезе, назначенный учредителем турнира, заглянул в лист и, сверившись с протоколом, смущённо сказал:

— Винсент Аури, Ваше Величество.

— Воплощение дьявола сидит на месте Папы? Многие

воспримут это как очередное оскорбление церкви. Впрочем, плевать. Без их бритых макушек мне легче дышится. Может вам стоит поспешить! — Рывкнул король поверх макушки слуги, — Старик Альфонсо доковылял до трибуны?

— Послал геральда, как только вы будете готовы он объявит начало от имени канцлера. Все проходит без эксцессов, Ваше Величество, если не считать повального похмелья у виновника сия торжества.

— Оставь, ему едва пробило шестнадцать лет. Пусть сейчас выплеснет юную дурь по полям и борделям. Годам к тридцати выйдет моим детям мудрый советник.

К несчастью, больше для страны, чем для самого короля, ни жены, ни детей у него не осталось. Обе королевы скончались в родах, а единственный сын умер во сне, ни то задушенный, ни то отравленный. Вопрос с новой помолвкой стоял остро, но сперва нужно было примириться с церковью.

— Гвардия?

— Капитан Торmento выпроводил всех шлюх, торговцев и зевак за три квартала, но юный Аллонсо как-то провел группу девок на поле.

— Выставить вон.

— Уже распорядился.

В это время в ремесленном квартале, далеко от дворца и турнирного поля, в неприметном подвале за массивной дверью пряталась обычная каморка. В ее тесноте и крошечной тьме, не издавая звука и не источая запаха, сидел человек.

На столе перед ним лежало золотое кольцо, изнутри которого доносились голоса. Голоса короля и его слуг, наряжавших его на показ.

Скоро наденут и панцирь, скоро. Человек слушал и запоминал каждое слово, интонацию, представлял надменное выражение монаршего лица. Вторая половина портального кольца надёжно спрятана в тканевой подкладе королевской кирасы. Они могут услышать скрип или вздох со своей стороны. Ещё рано.

Человек во тьме слышал щелчки и голоса стали звонкими и приглушенными, будто исходят из металлического ящика. По сути, так оно и было, ведь он как бы находился внутри доспеха вместе с королем. От этой мысли человека передернуло, он осторожно наклонился к кольцу. Через крохотную дыру в пространстве, обрамленную золотом, в нос ударил тошнотворный запах духов, и сквозь шуршание ткани резанул уши стук ненавистного сердца.

Слуги уже закрепили кирасу и поножи с наплечниками. Рельефный, позолоченный доспех с чеканкой на нагруднике в виде львиной гривы. Приталенная посадка, которую пришлось подгонять под чуть располневшего короля. Волны и складки, будто мастер набросил шёлковую вуаль на фигуру и превратил ткань в металл. Поистине королевское украшение.

Предпоследним элементом был алый плащ. Мельтешащие слуги обступили монарха со спины, наконец полностью от-

крыв ему вид на ростовое зеркало.

Чезаре выпрямился по струнке, загладил волосы, поправил на пальце золотое кольцо с огромным зелено-лиловым камнем. С этим талисманом он в последнее время не расставался. В ответ на прикосновение самоцвет незаметно сверкнул и пустил магический импульс, вызвав в руке едва заметную дрожь.

Король выкатил грудь, доведя образ до идеала величия и власти. От латных перчаток Чезаре отказался, ведь пришлось бы снять массивное кольцо. Слуги подали корону — золотые веточки лавра. Не отрывая глаз от своего отражения, Его Величество Чезаре Вератто, король Лаврили и протектор семи коммун водрузил символ власти на седую голову.

— Нужно больше поводов его носить. Я уже успел позабыть как венец...

— Вот твой венец! — Прорычал человек во тьме и вогнал через порталное кольцо на своем столе тонкий трехгранный стилет королю точно в сердце.

Чезаре упал вперёд, подкошенный. Вперся головой в зеркало, по глади расползлись трещины. Невидящие глаза тупо уставились в размноженные в осколках отражения.

Изнутри доспеха, будто из самого нутра чужой гулкий голос произнес:

— Блоха загрызла льва.

Магическое кольцо на опавшей руке короля вспыхнуло изумрудно-аметистовым огнем и погасло.

Несмотря на жару, блеванувшего перед конной сшибкой именинника, шесть бочек прокисшего вина, огромных трат из казны, в том числе неподотчетных, да и небольшого эксцесса с его величеством в начале, турнир прошел прекрасно, — чему его учредитель был несказанно рад.

Когда капитан гвардии ломанулся в покои к королю это не вызвало волнения. В конце концов Торmento взбалмошный тип, всегда носится как при пожаре. Но когда следом за ним сам Винсент Аури оторвался от вина и милых синьор и бросился к покоям, экононом забеспокоился. Но, оказалось, ничего страшного не произошло. Чезаре неудачно упал и порезался о зеркало. Стало быть, так Спаситель намекнул ему на гордыню.

Его величество быстро привели в порядок и он осветил турнир своим присутствием, и, слава Спасителю, пребывав в благом расположении духа все четыре дня торжества.

Глава 1. Первая капля

Капитан королевской гвардии синьор Туон Торменто завалился в кабинет как к себе домой. Окинул взглядом шкафы хранившие за хрустальными витринами крупные образцы драгоценных камней. Прошел мимо письменного стола, всколыхнув длинные бумажные ленты на которых витиеватыми символами были записаны руны.

Следом за ним вошёл хозяин кабинета, – глава гильдии ювелиров мастер Фабрицио и осторожно закрыл за собой дверь.

Полноватый, лысеющий хозяин учтиво указал нежданному гостю на стул, открытая ладонь сверкнула двумя золотыми пальцами – протезами. Капитан, однако, сгреб со стола бумаги, письменные принадлежности и многочисленные ювелирные инструменты и бесцеремонно уселся бронированным задом на столешницу из красного кедра.

Фабрицио, обычно суровый, строгий и щедрый на остроуты, а сейчас, от чего-то, безропотный, кивнул, прочистил глотку и начал:

— Чем наше учебное заведение...

— Замолчи. — Торменто достал из-за портупей длинную курительную трубку и кiset, забил табак, после чего вытащил рапиру из ножен, украшенных павлиньим пером. Узкий

клинок, с тонкой медной жилой по центру, и главное, над перекрестием, где у всех других рапир находилось обычное фехтовальное кольцо, у этой было особое. Первое из стихийных.

Капитан небрежно поднес гарду клинка к трубке. Перехватил рукоять, продев указательный палец через кольцо. Синий сапфир на нем едва вспыхнул и тоненькая молния с неприятным треском ударила из самоцвета в чашу трубки. Туон глубоко затянулся, разжигая табак, и одновременно с возвращением клинка в ножны выдохнул густой дым из носа.

— Это немыслимо! — Отошёл от шока мастер Фабрицио. Он, наконец, принял свой обычный образ: красное от ярости лицо и взгляд разгневанной медведицы, — Я смирился с необходимостью приделать к кольцу меч, но использовать первое творение Тициана, ценнейший артефакт нашей гильдии, чтобы подкурить!? У меня бы лучинки не нашлось, уважаемый? Скажите, а синьор Аури кольцом ветра пердеж разгоняет, да?

— Фабрицио, заткнись. Кольцо моё и метать молнии я могу во что и кого сочту нужным. И, кстати, очень может быть что одна сейчас сверкнёт тебе между глаз. — Капитан вновь затянулся, поглаживая черные густые усы.

— Угрожаете мне? В стенах моей гильдии! Завалились без грамоты... да даже без элементарного объяснения! Уселись задом на мой рабочий стол и задымили тут все...

— Говорю в третий и в последний раз — закрой рот и слушай. Его Величество пытались убить в день открытия турнира. — Фабрицио тут же захлопнул рот.

— Избавь Спаситель, с королем все хорошо?

— Да, я вовремя среагировал.

— Боже храни вас, Туон. Извините меня за эту сцену, я стал излишне нервным... Позвольте предложить вина. — Пунцовый окрас с его физиономии мгновенно пропал и к уважаемому, непререкаемому гильдейскому главе вернулась кротость и самообладание. Он пошуршал по буфету, суетливо наполнил два бокала вина и, наконец, уселся.

— Для покушения использовали порталное кольцо. Всего их, как ты знаешь, было пять. Одно пропало лет сто назад. Одно две недели назад было сломано нашим генералом и доставлено сюда на изучение. При дворе осталось три. Их я уже изъясил и всех причастных допросил. Посему я делаю вывод, что либо кто-то нашел утерянное спустя век, либо вы починили данное вам и использовали его для покушения.

Уже побелевший Фабрицио, теперь и вовсе обесцветился.

— Это, это... Ох, клянусь небесами! — Ювелир вскочил, засеменил к рабочему столу, обогнув сидящего на нем Торменто. Тот повернулся, стараясь не сводить глаз с подозреваемого, и положил руку на рукоять.

Мастер порывлся в столе и достал бумажный конверт, из которого вытрусил на ладонь разорванное золотое кольцо и листок бумаги.

— Вот, вот, капитан, я взвесил его, изучил сплав, проверил кое-что, ну, касаемо наших ювелирных тонкостей... Сами понимаете, эти кольца древние и уникальные, механизм их работы до сих пор не ясен, а тут мне выпал шанс пролить свет на их устройство...

— И вы что-нибудь выяснили?

— Куда там... к своему стыду я бы даже не понял что это кольцо магическое, если бы не знал. Я не имею ни малейшего представления как его починить, а тем более создать новое. Вот, вот оно перед вами. Я никак не мог использовать его для покушения, клянусь.

— Кто-то ещё имел к нему доступ?

— Да, мои подмастерья, и ещё несколько мастеров. Да, и их ученики, — Фабрицио заметно поник, — но они все находятся здесь! Под моим контролем, они даже к верстакам не подойдут без моего ведома. К тому же я лично веду учёт всех металлов в гильдии. Никто из здесь присутствующих, включая меня, просто не мог этого сделать!

— А что насчёт не присутствующих? Командировочные, отстраненные или тому подобное? Может кто-то из твоих передал информацию, что-то типа "оказывается оно золотое и круглое, берись за работу", а он в подполье сделал копию.

Фабрицио впервые улыбнулся. На краткий миг, но все же, на его тучном лице промелькнула подлая тоненькая ухмылка. Он точно знал что это невозможно, но не мог упустить такой шанс. Толстяк закивал головой и изображая вид что

вспоминает медленно начал:

— С вашего позволения, я не возьму в счёт выставленных вон криворуких бездарей. Они ни за что бы не смогли того, на что даже у меня не хватило таланта! Итак, на данный момент пятеро человек, обучавшихся здесь, не находятся под контролем гильдии. "Мастер" Маллис ушёл под крыло мафии и обитает где-то в городе, если уже не удрал в провинцию, мастер Гаспар окончательно свихнулся и засел в лесу за старым кладбищем. О судьбе ещё двоих я не знаю, но запишу вам их имена и всю информацию.

— Ну, а что ещё один?

Гильдейский глава, самый искусный и почитаемый ювелир Лаврили, Фабрицио Коста, потёр золотые протезы заменяющие обрубленные, но всё ещё ноющие пальцы правой руки, ликуя и упиваясь местью, сказал:

— Лука. Безродный, сын свечкаря. Гнуснее этой сволочи вы не найдёте. Обязательно проверьте его, Туон! Я считаю себя от части виновным, ведь я научил его нашему искусству, и поплатился за это пальцами. Вы представляете, синьор, что значат пальцы для ювелира? Прошу управьтесь с этим демоном. Даже если к покушению на короля он не причастен, хотя вполне способен, за его душонкой найдутся другие грехи.

Лука сел, выпрямил спину, затянул каштановые волосы в хвост на затылке и выдохнул, настроившись на работу. Щелкнул пальцем по клетке с пёстрой птицей, пернатое отреагировало недовольным бормотанием. Шустрые руки ювелира заплясали по сторонам, собирая разбросанную утварь со всего верстака. Молоточек, пенал с резцами, напильник, шлифовальная шкурка, пинцет и штихель, – все в одно мгновение было собрано в один ряд под правую руку.

Большую часть времени на столе Луки, как и в его мыслях, царил хаос, но в такие часы озарения все шло как по нотам.

Заготовка кольца была великолепна – массив из лимонного золота точного сплава, для проводящего контура взято серебро с толикой никеля, – сплав полностью агормоничный золоту. Никаких утечек быть не может. На наружном диаметре кольца выгравирована и инкрустирована серебром рунная формула, – предмет личной гордости Луки.

Руны сотворения были открыты относительно недавно, они крайне сложны в теории и капризны в применении. Но этот толком не доучившийся ювелир имел идею. Идею на которую поставил все. Руны идеально сопряжены, пропорции выверены, это кольцо – вершина магии. Оно предназначено создавать материю из ничего, ну, на невооружённый взгляд.

Три месяца ушло на поиски подходящего камня что выступит акцентуатором в этом сложном магическом механизме. В прошлую попытку Лука использовал баснословно дорогой радужный опал, но эффект был смехотворным, и пре-

красный самоцвет до сих пор лежал в ящичке. Так быстро его не продашь, а денег уже не хватало.

И вот он – бриллиант, довольно большой экземпляр круглой огранки с множеством включений, трещин и пустот. "Соль и перец" – так называют эту разновидность ювелиры. Не сверкает, довольно хрупкий и при огранке наверняка раскрошится, не имеет эстетической ценности и плохо держит заряд. Дешёвый мусор на котором упражняются в огранке. Бездари! В руках талантливого мастера и придорожная галька засияет звездой.

Лука подцепил камень пинцетом, аккуратно поместил в паз кольца, загнул по очереди лапки крапанов, надёжно зафиксировав бриллиант в гнезде. Огромная удача что камень не треснул при закрепке. Второй такой же, вероятно, Луке бы просто не продали. Впрочем, денег на его покупку у него все равно не было.

Выдыхать было рано, ведь самое сложное только предстоит. Юноша достал из секретера мраморную плитку и положил на стол, выровняв по краю. В центре плиты было круглое углубление от которого исходили три блестящие жилы. Полированный мрамор инкрустирован проводящим серебром. Строгие линии и окружности складывались в вычурный треугольник – глиф Тициана–Фауста, один из самых эффективных символов для первичной зарядки магического кольца.

Лука начисто протер плиту, разместил кольцо в гнездо в

середине тетраграммы бриллиантом от себя. Затаив дыхание он коснулся верхнего угла, соответствующего камню, сосредоточился и позволил энергии течь сквозь палец. Энергия заструилась по серебряной жиле и дошла до бриллианта в кольце. Он слабо засиял, — Акцент установлен.

Не усердствуя, стараясь равномерно испускать магию Лука повел пальцем вправо по контуру глифа, и, сделав полный круг, замкнул фигуру. Свет из камня повторил путь руки и зациркулировал по проводящему контуру кольца. Непрерывная руническая надпись на золотом кольце засияла белым, — хороший знак. Неужели получилось.

Лука, довольный результатом, оторвал палец от пластины и поднял кольцо. Руны потускнели и были теперь просто серебряной надписью на золотом кольце. А вот бриллиант играл. Переливался неестественным внутренним светом.

— Получилось! Брюлик, получилось!

— Полу-чилось, — повторила говорящая птица, которая несмотря на свой разговорчивый нрав, имела привычку не болтать хозяину под руку во время работы.

Лука, не отрывая взгляд от своего творения, полез за припрятанной бутылкой дорогого вина. Штопора у него не было, но не беда - он ювелир привыкший мыслить нестандартно. Используя разбросанные по столу резцы и зажимы, выкрутил пробку и крайне неэлегантно наполнил кружку. Надел ещё теплое после зарядки кольцо на безымянный палец левой руки и, сжав кулак, сосредоточился. Послал в кольцо

слабый импульс, и... Оно ответило лёгким покалыванием.

В предвкушении, Лука опустил его к кружке так, что бриллиант в оправе коснулся вина, после чего насухо вытер его о белый рукав. Этого было не увидеть, но маленькая трещинка в глубине камня окрасилась в красный.

— За безбедную жизнь! — Поднял он бокал, обозначая триумф.

— Жизнь-жизнь! — Повторила птица, запрокидывая хохлатую голову.

Лука осушил кружку самого дорогого вина что смог достать, впечатал её в стол от чего попугай встрепелся.

"Теперь у меня будет столько вина, сколько я захочу".

С этой мыслью он придвинулся ближе к столу, занёс левую руку над уже пустой посудой и сжал кулак так, что побелели костяшки. Колечко активировалось. Вычурные узоры, выведенные одной непрерывной серебряной линией, засветились по периметру кольца. Так происходило лишь в первое использование после зарядки и этот момент всегда был наградой ювелира за весь кропотливый труд.

Свет начал тускнеть, а на поверхности бриллианта проступила красная испарина. Крохотные точки скатывались по граням, объединялись, сливаясь в одну большую красную каплю пока она, наконец, не стала слишком тяжёлой чтобы держаться на полированном кристалле.

Капля рубиново-алой жидкости сорвалась в бокал. Лишь одна капля.

— Я безрукий кретин! — Лука откинулся на спинку стула и запрокинул голову.

— Кре-тин кре-тин. — Залепетала птица.

Он облизнул кольцо и, действительно, на вкус это было тоже самое вино. Кольцо "запомнило" его при контакте, а при активации в точности воссоздало. Эффекта он добился, но вот эффективность... Ну хоть бы пол стакана, да уж ладно, — глоток! Но не жалкая капля.

Сплав был точнее некуда, руническая формула за три попытки доведена до лаконичного идеала, и вот результат — капля!

Потерев уставшие глаза, неудачливый мастер встал, достал из ящика радужный опал в мешочке и сунул в карман, — мастерская ювелира всегда будет мишенью для воров. Схватил початую бутыль и надев широкополую шляпу он вышел на улицу.

Этот квартал ему не понравился с первого дня. На такой жаре хуже кожевничей мастерской смердела только красильня, куда каждый день свозили отстоявшуюся урину со всей округи. Но выбора у него не было, он не доучился в гильдии и ценза на создание и продажу магических колец не имел. Однако, создавал и продавал. Дело подсудное, и мало кто в столице соглашался сдавать ему помещение под мастерскую. Вот он и довольствовался скромной коморкой на первом этаже хлипкой конструкции, втиснутой между двумя зданиями покрепче.

Западными воротами он вышел под стены, где протекал на удивление чистый канал, присел на траву и понемногу осушал бутылку, стараясь отгонять тревоги о своей подступившей нищете.

Продать кому-то это кольцо — означало подарить составленную им формулу. А у нее был потенциал, точно был. Кто-то более опытный доработает ее и получит неиссякаемый источник богатства. Оно работает! Точно воспроизводит жидкости. Сколько угодно вина, алхимических эссенций, духов, дорогуших лечебных снадобий. Просто так, одним движением пальца. Нужно всего-то немного усовершенствовать, он и сам с этим справится, раздобыть бы денег на ещё одну попытку.

Как ни старался Лука найти альтернативу, но всё таки признал что без помощи старшего Братца ему не обойтись. Оливер крутился в не очень законном, но точно не бедном кругу, вряд ли он откажет в ещё одной просьбе.

Три месяца назад он подкинул Луке заказ на боевое кольцо. Пришлось изломать над ним всю голову, но заказчик был очень доволен и доплатил сверх. Оливер потом предлагал "поплотнее" поработать с ним, обещал золотые горы, но Лука знал что не впишется ни в одну шайку и, с его то везением, — ему переломают пальцы в первый же день.

Занимать же деньги у этих головорезов для своего дела он собирался в самом крайнем случае. Может так статься, что очередная попытка провалится, платить будет нечем и тогда,

итак изрядно из-за Луки настрадавшийся старший братец, снова попадет двумя ногами в жир.

Прозвучал шестой звон, а значит до заката оставалось три часа. Нужно успеть купить по скидке нераспроданные за день лепешки и занести в таверну пустую бутылку. С облегченной головой и тяжёлыми ногами Лука побрел к мастерской, служившей ему и пристанищем.

До дома было ещё две улицы, а уже пришлось пропихиваться меж толпы зевак, что двигались в ту же сторону. Хорошо захмелевший, Лука осмотрелся по сторонам: ни одной подозрительной рожи, все сомнительные личности покинули район, а значит там, куда все идут собралась стража.

"Только пернатых мне не хватало".

Юноша сдвинул шляпу до бровей и пристроился за двумя плечистыми мужиками. Толпа завернула к его дому.

"Проклятье".

Восемь королевских гвардейцев верхом на лошадях во главе с самим капитаном Туоном Торmento заняли весь квартал. Облаченные как на парад, у каждого к ножнам примотано пышное белое перо цапли. Они вселяли в жителей города ужас и трепет. Один гвардеец ковырялся в двери мастерской Луки и не сумев открыть начал ломиться в нее плечом.

— Иди сюда, я открою! — Прикрикнул на подчинённого капитан Торmento, неуклюже спешиваясь.

Он жестом приказал отвести своего коня подальше, а всем

собравшимся крикнул расходиться. Толпа попятилась шага на три и тогда он обнажил свой клинок. Лука протиснулся вперёд, он всегда мечтал посмотреть на это легендарное оружие, пусть даже и в таких обстоятельствах.

Узкая рапира с развитой гардой, над перекрестием которой было закреплено кольцо цвета стали с синим сапфиром. Оно то и было настоящим оружием. Первое творение гения Тициана – "Fare patrono", кольцо подчинившее молнию.

Толпа отступила ещё. Капитан направил острие на дверь, Лука от страха замер.

— Посторонись! — Ослепительная вспышка и ужасающий грохот раскатился по улице. Первый ряд зевак попал навзничь на сзадистоящих. Лука зажмурился, но в глазу остался синий послеобраз дуги, протянувшейся от кончика клинка до дома.

Дверь разлетелась в щепки, и трещина от косяка пошла вверх по хлипкой стене. Сердце сжалось, уши заложило, в воздухе запахло как после грозы и ещё чем-то... Гарью!

Лука открыл глаза и увидел как начинают разгораться остатки дверного проёма. Хозяева соседних домов поспешили за водой и песком, окружающие наперегонки выкрикивали советы, а виновник происшествия с довольной ухмылкой загладил вставшие дыбом волосы и распушившиеся усы, прокрутил рапиру кистью и завел в ножны, оплавив клинком нависающее над ними павлинье перо.

— Небольшое возгорание не проблема, я целился точно в

дверь, но похоже железный замок притянул разряд, — капитан повернулся к своим гвардейцам, — потушат и входим, угрозы нет.

Перекрытие второго этажа с треском провалилось, засыпав вход. Трещина поползла до крыши и спустя мгновение всё сложилось внутрь как карточный домик.

Лука сжался в ком. Все сбережения, инструменты, и Брюлик... Ему хотелось пробиться через толпу, растолкать гвардейцев, хотя бы попытаться спасти свою птицу, — то единственное, что осталось от наставника.

Вместо этого он сбежал оттуда так быстро, как только смог.

Чтобы найти брата Лука расспросил нескольких обитающих в проулках типов и бандитской наружности мужиков возле доков. Разумеется, никто не поверил что этот худощавый сопляк с руками художника — младший брат Оливера по прозвищу Звонарь. Ни один из них не сказал где его искать, но это было и не нужно. Они точно доложат ему что его искал один хрен, опишут Луку, и братец сам его найдет.

Так и произошло.

К закату того же дня к Луке подошли двое, один показал пальцами крест и произнес слово "огарок". Очевидно, их послал братец. По темну они пришли под стены питейного заведения "Монтифика", куда завели Луку, но сами остались

снаружи.

За столиком в уединенной нише сидел Оливер и поедал пасту с панчеттой. С каждым годом он все больше походил на отца, – крупный мужик с волевой челюстью и стесанными бровями. Младший завидовал, – он то пошёл в мать.

— Эм, привет братец. — Бросил Лука, садясь напротив. Оливер с отвратительным хлопком втянул длинную макаронину и кивнул.

— Денег нет? Что ж, – денег нет! У меня только что прикрылась самая выгодная лавочка в истории. — Прожевав только к концу предложения добавил он.

— Да, я на мели, да, опять, но послушай, — Лука показал кольцо, — это работает! Ещё одна попытка и мы станем богаче Золотого Бастарда!

— Угу. Это я уже слышал. Троекратно. Денег не дам. Но это сейчас не имеет значения, есть кое-что посерьезнее... Ты, братец мой любимый, попал двумя ногами в дерьмо. Твое увлечение магической ювелиркой – незаконно, это мы одобряем, и стоило ожидать внимания оперенных. Но чтобы лично капитан гвардии разнёс твою лачугу... Что ты сделал?

— Слухи ходят так быстро?

— Мне доложили почти сразу.

Конечно, ему никто не докладывал, он просто по привычке своей рисует авторитет. Олли Звонарь не был особо влиятельным, так, крышевал пару лавочек, нанимал людей для дел. Но и на побегушках не служил. В общем – середняк пре-

ступного мира. О визите капитана к брату он узнал от подельников в формате интересной новости.

— Я не знаю чего они хотели и почему пришли ко мне, может Златопалый решил оспорить решение суда? По правде, я сразу сбежал.

— И правильно, сука, сделал! Тут тебя не сцапают обычные пернатые, но раз уж ты привлек внимание самого Громовержца Торменто, тебя нужно упрятать подальше. Помнишь я говорил тебе о грандиозном нанимателе?

— Нет не помню и не хочу, я уже говорил что не стану вливаться в вашу когорту.

— А я уже говорил, что это несколько иной случай. И скажу ещё раз, и очень, сука, настойчиво. Видишь ли, Босс сам вчера спросил о тебе.

— Что!? Босс мафии? Нет Оливер, я отказываюсь чтобы это ни было.

— Да нет, дурень, не тот босс. Мы так между собой называем организатора той самой, кхм, "затеи". А и, чуть не забыл, – нет никакой мафии.

— Той "затеи" что должна была сделать тебя аристократом, да-да... Я не буду с вами работать, мне нужен простой заем и всё.

— Вообще-то ты уже поработал, и очень хорошо. Тот заказ на боевое колечко был от него и он остался очень доволен. С маленькой подковки Босс долго смеялся.

— И щедро заплатил. Вот это меня устраивает – я делаю

кольца, он даёт мне деньги. Договорились?

— Ну, говоря откровенно, нужны ему не твои умения, а скорее знания. Очень его один вопрос по твоему ремеслу волнует.

— Искусству.

— Как скажешь. Короче Боссу нужна твоя консультация. Заплатит за нее он или нет, — хрен его знает. Выстави цену и возможно он наградит за молчание.

— Или заставит замолчать иначе...

— Мне что ли четыре яйца досталось? Да вроде б нет... Ну работай за бесплатно тогда, ссыкун!

— Ну всё, всё, не распаляйся. Расскажи подробнее.

— Расскажу. Ночь переждем тут за бухлом и трёпом, в конце концов мы давно не виделись, а утром отведу тебя к нему.

На стол подали порцию пасты для Луки, две кружки довольно дрянного пива и совсем уж отвратные креветки. Младший брат без особого аппетита накручивал остывшие макароны на вилку, а Олли в подробностях рассказывал о своих приключениях в темных переулках.

— Ну что ты, братец, обмяк как пустой мех? Забыл папкины наущения? "Терпи лишения и надейся на лучшее". — Сказав это как тост он поднял кружку.

— А ты бы от радости плясал если бы, ну скажем, — всего лишился?

Оливер медленно опустил кружку на стол, наклонился

вперёд и упёр в Луку тот самый взгляд старшего брата. Он тут же осознал какую глупость выпалил.

— Да уж... и плясать приходилось и песни петь и нужники чистить за всем монастырем, а херовы святоши от нута и капусты дрищут как подорванные!

— Прости, я не хотел...

— А? Что ты там шепчешь под нос?

— Извини, говорю. — Чуть громче повторил Лука.

— Проблемы со слухом. В ушах ещё колокольный звон стоит. До сих пор удивляюсь как я четыре года выдержал за веревки дергать и с колокольни не сиганул. Ну и хер с ним, зато спину укрепил! И с тобой тоже хер, обид не держу, сам знаешь. Ты меньше ной, думай лучше как выбираться будешь.

— А что тут думать, все что при мне, то и есть, — Лука пошарил по карманам, — винная пробка, дорогой опал, ну и магическое кольцо с мусорным бриллиантом. Всё. Если организуешь мастерскую смогу его переплавить в обычное, но очень красивое. Вставляю опал, эта разновидность высоко ценится.

— Не спеши, родной. Сломать всегда успеешь, а магические кольца куда дороже обычных, глупо шелком зад подтирать. Познакомлю тебя с Боссом, может к делу пристроишься. Хоть ни черта у нас и не вышло, мужик он умный, с ним не пропадём.

— Расскажи мне подробнее, я же должен знать куда за-

прягаюсь.

— На меня четыре месяца назад вышел, знал путных людей и вел себя по людски, но явно не из нашего круга, — больно учёный. Я ему для дела толковую воровку подыскал, организовал квартиру. Все как надо сделали, рискнули головами, ставки бешеные, а результата, что днища у колокола, — нет нихера. Но видишь, не сдаётся он. Все ж мы, люди путные, с упорством в петлю лезем... Вот и он, видать, во вкус вошёл.

— Что-то не очень мне это нравится.

— А ты просто посмотри, послушай, расскажи что он от тебя услышать хочет. Может останешься, — возьмём тебя в долю. Ну как и выгорит дельце, так мы на двоих две доли ухватим. А если почую что паленым пахнет, — на раз соскочим! Нюх у меня на это дело острый, сам знаешь. Тем более, — Олли пригнулся и перешёл на шёпот, — запасной вариант имеется...

Жаркий полдень давно миновал и ветер принес с залива влажную прохладу. С турнирного поля, где ещё вчера в поте, крови и вине варилась светская жизнь, уже убрали трибуны и ложи, оставив только длинный деревянный тильт, разделяющий две разгоночные полосы. Вдоль этого барьера по утоптанной копытами земле расшагивал туда-обратно высокий и худощавый, светловолосый синьор. Винсент Аури, — человек высочайшего рода, но совершенно непонятного положения

при дворе.

Здесь, на поле ристалища, воняло лошадиным дерьмом, но сейчас это было самое тихое место в окрестностях дворца. Винсент ритмично шагал, погруженный в раздумья и прокручивал на среднем пальце серебристое, почти белое кольцо. Мать отбила бы ему руки за это. Если он не избавится от этой нервной привычки, — точно сотрёт семейную реликвию о свои чёртовы пальцы.

Верхом на белом жеребце, наконец отделавшись от свиты, к полю подъехал статный, уже совершеннолетний, бронзово-волосый юноша. Буквально вчера на этом месте, верхом на этом коне он выбил из седла турнирного фаворита, украсил триумфом праздник и без того всецело ему посвящённый. Как это скажется на его репутации? Месяц назад он сидел в дедовом замке и никому не было до него дела. А сейчас целый фестиваль в его честь, победа на поле. Не станут ли шептаться что все это спектакль канцлера, а сам Аллонсо Фуго, — его избалованный внучек который ничего не стоит?

Он спокойно повел коня вдоль тильта — к человеку что стоял на другом конце полосы.

Жеребец наострил уши, опустил голову и пустился с места в галоп. Аллонсо еле удержался в седле.

— Дьявол, мы не на сшибке! — Он потянул поводья что было сил, но конь не сбавил напора.

"Что я делаю не так? Вчера ты, хозяин, хотел чтобы я несся во весь опор вдоль этого забора" — верно пронеслось в

лошадиной башке.

— Стой! Стой! Тпру, ах ты тварь!

Конь нёс как угорелый, в мгновения преодолел большую часть поля. Впереди спокойно стоял, облокотившись боком на межу, синьор Аури.

— Винсент, бегите! — Было достаточно перемахнуть через тильт на соседнюю полосу, но он, оттолкнувшись бедром, встал точно на пути у коня.

Аллонсо оттянул правый повод, чтобы хотя бы просто сбить с ног, а не размазать синьора о барьер.

Винсент вскинул правую руку, изобразил "клешню" большим и указательным пальцем и резко дёрнул вниз.

Конь мгновенно опустил голову до самой земли и упёрся, всполав по инерции метра три грунта. Аллонсо выбросило из седла вперёд и не упал он только потому, что успел крепко вцепиться в покрытую потом шею этого дурного зверя.

Прямо перед ним на расстоянии рукопожатия преспокойно стоял Винсент Аури. Он расслабил кисть и конь, недовольно фыркнув, поднял голову и начал мотылять по сторонам. Юноша неуклюже спешился, встав на тряпичные ноги.

— Синьор Аллонсо, вы хорошо натащали своего коня! — Винсент потянулся погладить запыхавшегося жеребца, но тот мотнул головой, — малость ретивый, конечно, зато бесстрашный. Только завидел угрозу и сразу ломанулся прямоком к её источнику...

— И меня с собой прихватил.

— Значит посчитал что вы справитесь с опасностью. Он вам доверяет.

Юноша по привычке начал учтивый поклон, но вовремя осекся и протянул руку. Винсент, будучи почти вдвое старше, признал в Аллонсо равного и пожал руку.

— Как вы его остановили?

— Дёрнул за ноздри. С людьми тоже работает... Ты не выронил кольцо в этой бешеной скачке?

Аллонсо достал из внутреннего кармана массивный перстень рыжего золота. Крупный прямоугольный рубин крепко держался в гнезде, а над ним по обеим сторонам из массива выступали золотые рожки. Юноша снял правую перчатку и надел кольцо на указательный палец.

— Дед позволял тебе с ним упражняться?

— Всего пару раз, он говорил что мы начнем тренировки после моего совершеннолетия. Но, видно, не судьба... — Парень опустил голову и нервно зажевал губы. Винсент Аури огляделся по сторонам и положил руку ему на плечо.

— Твой старик был храбрым и достойным мужчиной, он погиб лучшим образом из возможных – защищая своего короля. Он мечтал умереть так, а не долго и мучительно разваливаться от старости.

— Я знаю, Винсент. Просто... Я так давно его не видел, а как приехал сюда, толком и не поговорил.

— Тебе станет легче после похорон...

— Сколько мы будем держать его так?

— Ещё немного, пока все не разъедутся из города. Мы не можем объявить сейчас что на жизнь короля покушались, а его канцлер, сильный генерал, носивший кольцо огня, погиб. Не в такое время и не перед Файденской знатью. Мне тоже это очень не нравится, потерпи немного, а пока изображай безмятежную юность и не свети кольцом на людях. Оно ещё принадлежит синьору Альфонсо. Мы все в опасности и я хочу чтобы ты был к ней готов, новый глава рода Фуго. Протяни руку!

Аллонсо вытянул руку тыльной стороной ладони вверх, Винсент поднял свою. Юноша наконец рассмотрел знаменитое кольцо ветра на его среднем пальце, – платиновое, с крупным бриллиантом классической круглой огранки. Великолепное произведение и страшное оружие.

— Что ты знаешь о своем кольце, новый носитель?

— Полтора века назад, в период распада империи Лаурос, гениальный ювелир Тициан создал пять колец, подчинивших силы природы, и отдал их главам уцелевших династий. Кольцо огня, "Fiamma Zenit" что со старолаурского значит "Пламя Зенита", досталось моему предку, поколения передавалось в роду, и от моего деда досталось мне.

— Это всё? Никаких сказаний о грандиозных победах, завоевании обломков империи? Мальчик, это история твоего рода!

— Вы имеете ввиду рассказы как Антонио Фуго с кольцом огня выжигал армии и превращал замки в груды пепла? Я

перестал верить этим басням ещё в детстве, синьор.

— О, это никакие не басни, поверь, кольца Тициана чудовищно сильны. Это мы, потомки великих, обмельчали, — Винсент протянул к нему руку, — Ещё мой прадед мог лезть с этим кольцом, представляешь? Говорят он принципиально не касался ногами земли. А первая носительница — Темпеста Аури сдувала армии огромным смерчем будто крошки со стола. Пять человек за два года собрали воедино большую часть развалившейся империи. Это исторический факт, и он подтверждает правдивость этих "басен".

— И когда же я смогу сжигать замки до тла?

— Судя по полному отсутствию волос на твоей правой руке, тебе не терпелось научиться, — Аллонсо смущённо одернул руку и опустил глаза, — Отведи коня подальше и возвращайся, желательно с парой вёдер воды.

Аллонсо Фуго стоял на турнирном поле по пояс голый и тяжело дышал после того как Винсент окатил его холодной водой. Сам он стоял в пяти метрах напротив в той же уверенной позе, будто снова решил пободаться с несущимся на него жеребцом.

— Атакуй. — Спокойно сказал он.

Юноша вытянул вперёд правую руку и сжал кулак. Рубин вспыхнул и между золотыми дужками оправы метнулась жёлтая искра. Из кольца с ревом вырвался всполох пламени и тут же иссяк. Молодой человек вопросительно посмотрел на своего оппонента, который даже с места не сдвинулся.

— Ну... Это было эффектно. Какой-нибудь крестьянский сарайчик бы занялся от такого. Попробуй ещё раз, за меня не переживай. Никаких финтов с пламенем, тупо прямо, дави изо всех сил. Огонь — свирепая, яростная стихия. Ты обязательно его обуздаешь, но сперва, хотя бы раз, ты должен почувствовать его буйство.

Аллонсо кивнул и повторил жест, напряг руку так что вздулись синие вены, он подумал о дедушке, о подлых убийцах что отняли его, о человеке что стоит напротив и требует от него играть роль в мерзком спектакле. Гнев, боль, импульс силы, Всполох искр.

Столп огня с оглушительным грохотом ударил вперед. Юноша ухватил запястье второй рукой и навалился всем телом, опустил голову и исподлобья, сощурившись видел только как широкий поток пламени, закручиваясь красным вихрем, с рёвом разбивается о темный силуэт будто о оскалу, распускает свои языки во все стороны сплетаясь в стену из огня перед синьором Аури. Дышать стало очень тяжело, жар обжигал глотку, глаза слезились.

В мгновение поток исчез вместе с силой что толкала его назад и начинающий носитель рухнул вперёд на раскалённую, растрескавшуюся землю.

Винсент Аури замахал рукой вокруг головы и уже поднявшегося Фуго, мокрого от пота, обдало превосходным холодным ветерком.

— Вот, это уже не плохо.

Часть деревянной межи возле Винсента сгорела до тла, перекладины по обоим сторонам провала с треском полыхали. Он аккуратно подошёл ближе и снова окатил парня водой из ведра.

— Я не прекращал, кольцо просто само... Само перестало извергать пламя. У меня ещё есть силы, вот! — Аллонсо отвёл руку в сторону и активировал кольцо, рубин мигнул, но ничего не произошло. Он удивлённо посмотрел на перстень, а потом перевёл взгляд на Винсента. Тот будто держал в руке невидимый мяч, его ладонь напоминала когтистую орлиную лапу, а бриллиант в его кольце играл переливами.

— На старом Лаурском это кольцо называется "Respiro Dio" – Дыхание Бога. Запомни, мальчик, и прими на свой счёт, – огню нужен воздух чтобы гореть. Винсент Аури по прозвищу Гаррота не глядя отвёл руку к полыхающему тильту и пламя, даже не вострепнувшись, тут же потухло.

Винсент Аури вернулся во дворец. Несколько часов, проведенных под солнцем, вымотают кого угодно, вдобавок – юный Аллонсо оказался на редкость сильным носителем. Пришлось потратить много сил чтобы не обуглиться до костей. Перед кабинетом его ждал гувернант.

— Синьор Аури, — слуга почтительно поклонился и протянул Винсенту пухлый конверт, — это передал капитан Торменто как вы...

Конверт вырвался у него из рук, едва не порвавшись, и

скользнул по воздуху точно Винсенту в ладонь. Он прошёл мимо слуги даже не взглянув, жестом открыл дверь и также, не касаясь ручки, захлопнул ее за собой.

За рабочим столом он вскрыл печать королевской гвардии и высыпал содержимое конверта на стол: раскуроченное золотое кольцо, несколько листов бумаги и четыре шелковых мешочка. Прежде чем касаться их, Винсент активировал митридово кольцо что всегда носил на левой руке. По молочным жилам зелёного агата забегали огоньки, а по всему телу волной прошли неприятные мурашки.

Теперь, не страшась отравиться каким-нибудь хитроумным ядом, Винсент принялся за чтение.

Первой лежала грамота под личной подписью капитана. Винсент смял её, не читая, и отбросил в сторону. Тратить время на измышления идиота Торменто он не собирался.

Вторая бумага была от мастера Фабрицио. Искуснейший ювелир Лаврили, человек с золотыми руками (по крайней мере с двумя золотыми пальцами), писал как слепая курица, — разобрать можно было лишь одно слово из пяти. Либо мастер сильно запил, либо писать пером по бумаге действительно сложнее чем штихелем по металлу. Пришлось продраться через терновые заросли этих полурун-полубукв чтобы обнаружить более-менее понятные цифры. Фабрицио взвесил на точнейших весах сломанное порталное кольцо, оно, без учёта потерь весило двенадцать грамм.

Аури взглянул на следующую бумагу. Надпись в верх-

нем правом углу гласила: "выписка из формуляра №208.43, управления королевского двора "О жаловании колец портальных на службу государства", опись королевского имущества 1232 лета от Спасения мира..."

—Так-так, — начал он рассуждать вслух, — значит, девяносто шесть лет назад пять "магических колец, золотых, без гравировок и без драгоценных камней" употребили на благо родины и, покая душам предков, сопроводили их формальной бумагой... С описанием каждого кольца, и, самое важное, — их точным весом!

Он пробежал глазами по таблице, зачитывая вслух для самого себя:

— На нужды королевской тайной службы — кольцо золотое, без гравировки, без драгоценных камней, весом 194 gran; на нужды торгового флота — 202 gran; на нужды армии — 183 gran.

Винсент Аури секунду переваривал прочитанное, затем выбрал из шелковых мешочков один — с биркой "Шпионское", вытрусил в ладонь изъятое сегодня у разведки кольцо и листок бумаги на котором помимо описания его внешнего вида был и вес, — 8,7 современных грамм. Винсент перевёл граммы в имперские «зёрна» и получил ровно 183 gran.

— Жером! — крикнул он гувернанту. Дверь приоткрылась.

— Да, синьор?

— Ублюдка ко мне, живо!

Через несколько минут в кабинет бесшумно вошёл мужчина в простой одежде и припал на одно колено. Поднимать голову ему запрещалось поэтому он тупо рассматривал носок своей обуви.

— Когда ты уже научишься читать, батрак? Твоя голова неспособна удержать двадцать одну букву? Смотри на меня когда я говорю! — Человек не поддался, он знал что его накажут за такую дерзость. Винсент ухмыльнулся и продолжил, — От чего-то всем в этом городе вздумалось что я — межеумный кретин, представляешь, выродок? Две недели назад генерал Манчинелли приполз к королю на коленях с извинениями, дескать, Ваше Величество, молю о пощаде, не уберёг ваше сокровище! Портальное кольцо сто лет работало, а в моих кривых руках вдруг пополам треснуло... Затем я распорядился оставшиеся три изъять, описать и взвесить. И что выясняется? Кольцо, пожалованное армии, как-то оказалось у тайной службы, а вот это ломанное вообще дьявол разбери откуда взялось. Значит, я прихожу к выводу что шпики свое кольцо куда-то дели, побоялись доложить и стянули точно такое же у армейских тугодумов. А те, вместо того чтобы признаться в утрате, ничего лучше не придумали как подсунуть нам ломаную фальшивку.

Преклоненный, не шевелясь и едва дыша, внимательно слушал хозяина. Винсент Аури встал, подошёл к стене и снял картину что скрывала дверцу сейфа — без замочной скважины и ручки. Он воздел над неё руку и стал быстро переби-

рать пальцами. Скрытые механизмы замка задвигались от его незримых прикосновений.

— Твоя задача, пахарь – сегодня после заката навестить главу тайной службы – Бруно Аргилли, пересказать ему мои выводы, спросить куда же он дел доверенное ему портальное кольцо и независимо от его слов, убить.

Раздался громкий щелчок и дверца открылась, Винсент просунул внутрь руку и достал единственный хранившийся там предмет, – кольцо из серого матового металла с овальным лунным камнем. Он бросил кольцо человеку и тот, не поднимая глаз, поймал его и тут же надел на указательный палец.

Винсент вернулся к столу, выдвинул ящик и достал тяжёлый кинжал, отлитый целиком из того же серого металла. Подошёл к человеку, навис над ним и протянул клинок, держась за острие.

Человек взялся за рукоять и его серое кольцо, соприкоснувшись с оружием издало высокий хрустальный звон.

Аури наклонился ниже и чуть ли не ему в макушку, переходя на вкрадчивый шепот, сказал:

— Бруно скользкий гад, я лично отобрал его на это место. Он будет торговаться и я знаю чем он попытается тебя подкупить, убудок. Не будь ещё большим дураком чем сейчас, не ведись. Ты меня понял?

"Ну давай! Разозлился! Я сам направил клинок точно себе в сердце, просто решишь на рывок, ну! Всего две ладони и я

труп, не успею даже пискнуть. Мсти, трусливая псина!".

Винсент отпустил кинжал и в этот момент заметил что задняя нога человека подсогнута и стоит на носке будто взведенная пружина. "Кинется!" – Эта мысль запустила по спине синьора холодную дрожь, он потерял контроль на мгновение.

Человек поднял глаза, короткий злобный взгляд исподлобья. Аури даже не увидел зрачков за бровями, но почувствовал укол холодной паники.

Мужчина встал с колена, низко поклонился и развернулся к дверям.

— Да, и оставь там кого-нибудь, пусть всем расскажет что Бруно Аргилли утащил в ад сам Лаврийский Призрак.

Мужчина также бесшумно покинул комнату и Винсент Аури, выдержав долгую паузу, облегчённо выдохнул и громко рассмеялся.

Глава 2. Государственный думатель.

— А вы хорошо окопались, помещия – тихий промысловый райончик. — Сказал Лука брату.

— Ага, знал бы ты какую сечь тут устраивают гончары после дождей. В войне за право обжигать черепицу полегло пол этого квартала, братец. Мы за вторыми стенами, не забывай, – тут варварские земли.

— Далеко ещё?

— Вон, столб дыма. Нам туда.

Братья шли вниз по улице мимо суесящихся людей, к Оливеру то и дело подбегали поздороваться, – как типы явно бандитской наружности, так и простые рабочие. Они миновали небольшой передвижной рынок со всякими простыми яствами и свернули в узкий проулок. Между крышами домов тут было натянуто серое сукно, защищающее от палящего лаврийского солнца.

У Луки случился ступор когда они, вроде бы идя совершенно в другом направлении, вышли точно к приземистому зданию из которого тянулся белый столб дыма. Такие вещи ему всегда трудно давались. Когда в детстве Олли показывал ему город, Лука мог удержать в памяти только главные ули-

цы, и то до третьего перекрестка. А запомнить все короткие ходы и закоулки, да ещё убегая от стражи быстро по ним маневрировать, — и сейчас казалось ему невозможным.

Оливер открыл красную лакированную дверь с витражом в виде разноцветных ромбов, и братья зашли внутрь. Им помахал тряпчочкой невысокий полный мужчина, протиравший красивый бокал из голубого стекла. За ним находилась витрина с филигранно выдутыми графинами и бутылками.

Лука как ювелир особо отметил сосуд для вина в виде дракона, сделать крылья такими тонкими за пару мгновений пока стекло не остыло было очень непросто. Он кивнул мужичку и проследовал за братом, который проходил комнату за комнатой, пока не встал у хлипкой дверцы.

Что-то тяжело сдвинулось, раздались два отчетливых шага и дверь открылась. За ней стоял плечистый мужчина лет двадцати пяти с высоким лбом и короткими кудрявыми волосами цвета мореной дубовой бочки.

— Звонко приветствую тебя, Оливер!

— Ещё одна подколка на тему моего прозвища, щегол, и я...

— И ты дашь мне в колокол?

— Твою ж мать... Лука, знакомься, — это Ник. Он тут на вроде шута придурочного. Ник, — это мой младшой, ювелир. Босс хотел с ним поговорить, — мужчина театрально поклонился, пожал Луке руку и сразу выдал:

— Ювелир, значит... Блестяще! — на его лице застыла

ребяческая улыбка и он вопросительно посмотрел на Олли.

— Эта пытка каламбурами когда-нибудь закончится? — Закатив глаза спросил у Спасителя Оливер, — С каждым разом всё несмешнее, Ник.

— Цель для моих шуток — это я сам. И они бьют с ювелирной точностью.

Лука тихо хихикнул, больше от мученической гримасы брата, и прошел вслед за ним за дверь. По лестнице они спустились в прохладное подвальное помещение. Окон не было, вместо них в потолке находились световые шахты — бесценное наследие Лаурской империи наравне с канализацией и мощеными дорогами. Подвал был просторным и даже уютным, лежанка в углу, большой стол, несколько книжных шкафов и гобелены на стенах явно свидетельствовали что здесь живут люди.

Из-за книжного шкафа в углу комнаты выглянула девушка в капюшоне. Лука не сразу сообразил что там проход в другую комнату и возможно этот подвал гораздо больше.

— Привели новенького? Я надеялась что это будет приятно пахнущая синьорина. — Вместо приветствия бросила девушка.

— А мы воняем что-ли? Вот, Олли пахнет ладаном и бронзой, Босс — старыми книгами и кровью, я — корицей и... Лука, скажи как эксперт, золото имеет запах?

— Чужое — да, и очень привлекательный.

— О, да он тебе понравится! — Ник хлопнул Луку по пле-

чу. — Видишь ли, мы пахнем всегда одинаково и это правильно, а ты, плутовка, меняешь аромат каждый день. Это настораживает...

— Да заткнитесь вы! Хватит чушь нести. — Не выдержал Оливер.

— Голова от нас звенит? — Бросил Ник и театрально прыснул в кулак, девушка рассмеялась.

— Как нас всех ещё по столбам не развесили... Босс тут?

— Скоро должен прийти. Мы тут с Мари в карты играем, давайте с нами.

Ник подставил ладонь ко рту и наклонившись к ней чуть тише сказал:

— Только внимательно смотри за его руками! Он ювелир, а значит пальцы ловкие.

Девушка будто только сейчас заметила стоящего посреди комнаты Луку, улыбнулась и откинула капюшон, явив курчавые локоны цвета песчаника. Она шагнула навстречу и по-мужски протянула руку. Лука растерялся, — женщинам положено протягивать руку тыльной стороной вверх и держать на уровне плеч, чтобы синьор немного наклонив голову изобразил поцелуй. Синьора никогда не тянула ему руку на мужской манер.

Неловкое рукопожатие все же состоялось, и она насильно развернула запястье чтобы показать Луке кольцо, которое он сразу узнал — свинцовая печатка с маленькой декоративной подковой на лицевой стороне и бесцветным топазом на ре-

версе.

— Приятно познакомиться, синьорина. Надеюсь вы довольны моим творением.

— Ох, ещё как довольна! Премного благодарна.

Все четверо уселись за стол, Ник разлил по кружкам вино и пододвинул к середине тарелку сухофруктов. Обещанные карты никто не достал и вместо игры Ник и Оливер начали обсуждать новости с улиц, а Мари с усилием жевала пересушенный изюм.

— Я такие колечки только у пернатых видела, всегда мечтала хотя бы одно стащить. — Сказала она Луке.

— За кражу у гвардейца повесят, а за изготовление такого кольца всего лишь оштрафуют. Сделать его было очень сложно, но так безопаснее.

— Сложно?

— Да, руны усиления и укрепления поначалу конфликтовали между собой, да и в последний момент пришлось сменить камень... — Лука решил не говорить что первый самоцвет он раскрошил во время закрепки.

— Ну, как бы ни было, оно ещё ни разу меня не подвело. Никто не ожидает от хрупкой девушки нокаутирующего удара. Единственный минус: если промахнусь, рука из сустава выскакивает, но я наловчилась быстро её вправлять.

Лука ощутил боль в плече. Такое кольцо фокусирует физическую силу в один сокрушительный удар, и если он не достигнет цели, инерция может разорвать связки, несмотря

на то что укрепляющие руны защищают запястье от повреждений.

Раздался тихий звон колокольчика и Ник подорвался с места, пока он дошел до двери, та уже открылась и внутрь вошёл мужчина лет пятидесяти.

Прочерченное морщинами, но не старческое лицо, прихваченные сединой волосы и аккуратная борода, в основном ещё черная. Он был одет в простую одежду, но его кожа не была похожа на выдубленную под солнцем, как у крестьян.

Мужчина поприветствовал собравшихся поднятой правой, левой видно не было, и, указывая на Луку ладонью, вопросительно посмотрел на Оливера. Тот кивнул и под спину подвел младшего к мужчине.

— Меня зовут Лука, брат Оливера, ювелир. — Юноша протянул руку.

— Энрико Веспуччи, нищий философ, государственный думатель. — Он крепко сжал ладонь Луки, всматриваясь ему в глаза.

Назвавшийся Энрико человек подозвал Ника и вместе они ушли за книжный шкаф. Лука услышал как через несколько их шагов раздался звук закрывшейся двери, а значит, там действительно был коридор и как минимум ещё одна комната.

— Ну, как впечатления? — Шепотом спросил Оливер у брата.

— Сравнить мне не с чем, но, кажется, на шайку бан-

дитов это не похоже. Слишком тут... сумбурно что-ли.

— Ага, тут только Босс на голову не хворой.

Из-за шкафа высунулся Ник и подозвал Звонаря. Братец-громила ушёл в застенок, оставив Луку на несколько мучительно долгих минут с вновь потерявшей всякий интерес девушкой.

Вновь раздался щелчок двери и в комнату вернулся сеньор, теперь одетый в более подходящий ему костюм, – расшитую черно-белую тунику со стоячим воротом, пышными плечами и манжетами. Каблуки придали росту и выпрямили осанку, к поясу был приторочен узкий стилет длиной в две ладони. Он стоял выкатив грудь, держа левую руку за спиной и был похож больше на аристократа малого пошиба чем на главаря крошечной банды.

Следом за ним вышли Оливер и Ник, широкоплечий и высокий, шутник боком протиснулся между шкафом и стеной и сел за стол. Вслед за ним уселись и все присутствующие, кроме Энрико. Он прочистил глотку покашливанием и начал глубоким, поставленным голосом:

— Неделя выдалась напряженной. Турнир прошел более-менее успешно. Мы подняли круглую сумму на ставках, но Ник не донес половину. Шалость Мари с подменой вина удалась на славу, – файденские снобы привыкшие к своей кислятине не заметили подвоха. Казна Золотого Бастарда уменьшилась на восемь тысяч лир, но наш "счёт" пополнился только на семь. В связи с этим большая просьба к Ни-

ку, ad minimum, – изучить основы бухгалтерского учёта, ad maximum, – перестать воровать ворованное!

Ник только открыл рот чтобы сострить, как Энрико жестом приказал помалкивать и продолжил:

— Что касается основного дела, ради которого мы друг друга терпим... Положа руку на сердце, говорю открыто, – я ничерта не понимаю! Прошла уже неделя и никаких намёков на похороны Его Величества, ни одного чертова слушка при дворе. Более того, – сам Чезаре будто и не заметил что его закололи как свинью. Спокойно освещал своим ликом турнир и читал пламенные речи, хотя должен был молча остывать на мраморном полу...

— Простите что перебиваю, синьор, я, кажется, пропустил что-то важное, – встрял Лука, – с чего бы это нашему королю быть мертвым?

Энрико Веспуччи выхватил из-за пояса узкий трехгранный клинок и, повернув его в кисти, заявил:

— С того что я всадил ему этот стилет прямо в сердце, юноша.

Лука откинулся от стола и недоуменно посмотрел сначала на внезапного убийцу, потом на старшего брата, который не выражал ни капли удивления по поводу сказанного. Ник тоже был серьезным, казалось, он-то должен был первым рассмеяться с этого глупого розыгрыша.

Шайка продолжила обсуждать некоторые дела, в подробности коих Лука уже совершенно не хотел вдаваться. Он то

и дело метал в брата испепеляющие взгляды и думал лишь о том, как бы поубедительнее отбрехаться и сбежать из этого подвала, а потом из страны.

— Луче... Луче, пойдём, — Лука не сразу сообразил что Энрико обращается к нему. Юноша вообще плохо соображал когда нервничал. Олли же всегда был на чеку и подтолкнул младшего под спину.

Щуплый и сутулый ювелир, едва касаясь плечами, прошёл в узкий проем за шкафом и увидел просторный коридор, двери справа и слева, и ещё одну прямо в пяти шагах. Босс вошёл следом и с усилием задвинул за собой замаскированную под книжный шкаф заслонку.

— Прямо по коридору, мы зовём эту комнату "переговорная".

Лука открыл обитую войлоком с двух сторон дверь, ни ручка, ни петли не издали ни звука. Комната была маленькой и темной, посредине стоял стол и пара дорогих стульев с мягкой обивкой, ничем кроме родного аромата воска и, разве что, пыли, не пахло.

Хозяин помещения вошёл следом, бесшумно закрыл дверь, зажёл пару ламп и, поставив на стол бутылъ вина с кубками, сел напротив. При свете стало видно от чего тут такой тяжёлый воздух — десятки старых ковров и гобеленов застилали все стены, пол и потолок в несколько слоёв. "Переговорная" идеально замаскирована от внешнего шума, вот только и крик изнутри никто не услышит. Лука тяжело

сглотнул вставшую комом слюну.

Кубок стоял от Энрико по левую руку, но он не стал показывать её, а неудобно потянулся правой.

«Он что-то прячет в кармане, клинок?»

— Итак, Луче, я позвал тебя чтобы ты, основываясь на знаниях о магических кольцах, пролил свет на следующий прецедент: семь дней назад король был убит, но затем предстал на публике живой-здоровый. При этом на нем было кольцо, я полагаю, не обычное.

— Позвольте пару уточняющих вопросов, синьор. Как вы его убили?

— Пронзил сердце.

— Это очень... В это сложно поверить, понимаете? Я имею ввиду что вы невредимый сидите напротив меня и не совсем уверены в результате убийства. Может вы использовали яд или поручили это дело кому-то? И поэтому...

— В результате я уверен, повторюсь, удар нанес лично я.

— Как?!

— Дистанционно... Прошу, размышляй исходя из этих вводных.

— Ну... Я знаю что есть целительные кольца митридовой подгруппы, как правило агатовые. Они нейтрализуют яды. Есть сангвинические, с гематитом – помогают при кровопотери. Если замедлить сердцебиение жемчужным...

— То можно попытаться спасти при ранении в сердце! — Теряя терпение оборвал его заговорщик. — Только его не

спасли. Точка. Меня интересуют другие варианты. Изменение облика, иллюзии.. да хоть воскрешение! Ну?

— Иллюзии... Я слышал от одного мастера концепцию захвата света в кристаллах кварца, он планировал так сохранять различные образы.

— И?

— Получилось только кольцо – фонарь, сейчас такие, кстати, пользуются спросом. Правда, больше в этом направлении никто не продвинулся. Да и вряд-ли это вообще возможно, если иметь ввиду изменение внешности.

— Камень в кольце Чезаре имеет два оттенка – зелёный и фиолетовый. Это тебе о чём-нибудь говорит?

— Да, самоцветы с такой особенностью действительно используются в магических кольцах, но только по этому признаку мало что можно сказать...

— Например?

— Если оно магическое, то очень сильное и выполнил его настоящий мастер.

— Глава гильдии ювелиров?

— Нет-нет, синьор. Нынешний глава – бездарь и самозванец. А королевское кольцо может быть и самым обычным украшением.

Энрико провел с полминуты в размышлениях. Лука же перебегал глазами от лица своего собеседника к столу, пытаясь понять отчего он ни разу не показал левую руку.

"Точно колечко. Или просто рисуется, имитируя привыч-

ку носителей держать руки в карманах".

— Ещё варианты?

— Могу предложить только два, синьор. Реалистичный и совершенно сказочный. В первом магия вообще не причём. У Чезаре просто был или есть двойник. Настоящий, из плоти и крови. — Энрико монотонно кивнул и изобразил рукой подгоняющий жест.

— А что же "сказочный"?

— Человек возвращается из мертвых, так? На такое по легендам нашей гильдии способно только Чёрное кольцо. Древнейший артефакт, принесённый с востока по меньшей мере тысячу лет назад. Это, конечно, страшная байка или старинная выдумка церковников, ну... это же все от нечистого. Лично я никогда не верил в его существование, да и никто из мастеров, посему делаю вывод что сказочное некроромантическое кольцо к "воскрешению" короля не причастно.

— Тут я тебя поддержу, Луче. Однозначно не причастно.

Лука пожал плечами, да так и сидел осунувшись, а Энрико приглаживал свободной рукой сидящую бороду и крайне раздражающе подергивал ногой.

— Простите, синьор, можно задать вопрос? Зачем вы мне рассказали?

— А я и не хотел чтобы смерть Чезаре была тайной. Сейчас моя задача сделать этот факт достоянием общественности, правильно разыграть эту карту. Ты просто узнал об этом немного раньше других.

— Такой ли уж это "факт"? — Энрико поставил бокал и вопросительно посмотрел на юношу, — я имею ввиду, ну... некоторые несостыковки в вашем, кхм, рассказе...

Энрико откинулся на спинку стула, вытащил левую руку из кармана камзола. Накрыв левую ладонь правой и наконец поднял руки над столом. Чуть сдвинув покрывающую руку он явил ничем не примечательный мизинец.

Но за ним...

— О, Спаситель! Это... — Лука вскочил и навалился на стол двумя руками.

На иссохшем, угольно-черном безымянном пальце этого человека было нанизано только что упомянутое Чёрное кольцо.

— Теперь веришь? Я вызвал его душу с той стороны. И он явился.

— Оно точно не из металла. Обсидиан или оникс. Никаких рун, потрясающе! А этот... ужас с пальцем, оно появилось когда вы надели кольцо или когда использовали? Похоже на сухую гангрену, Спаситель, это не иначе какая-то скверна... Она прогрессирует?

— Что ж, ты действительно ювелир, Луче. Без всяких сомнений, — он сжал кулак и спрятал руку в карман, всматриваясь в ошарашенное лицо юноши, — Есть что добавить по поводу Его Величества?

— Эээ.. а.. нет.

— А насчёт этой дьявольщины?

— Только одно. Это кольцо абсолютно проклято.

— Ну, проклятьем больше, проклятьем меньше. Палец хоть и выглядит ужасно, но кое-как шевелится и даже не болит.

— Не бойтесь что оно распространится дальше?

— В моем возрасте, сынок, если всё тело будет кое-как шевелиться и при этом не болеть, — это будет не проклятье, а благословение! — Юноша улыбнулся и все-таки отпил вина, но диалог поддерживать не хотел.

— Я задам тебе три вопроса, молодой человек, из искреннего интереса, а затем отвечу на них сам, если спросишь конечно. Идёт?

Лука неуверенно кивнул и призвал все свое красноречие, он ясно понимал — от того как он ответит зависит выйдет ли он отсюда.

— Итак, если бы у тебя было достаточно денег, что бы ты для себя сделал?

— Я бы окончил обучение в гильдии, оборудовал личную мастерскую и создавал бы кольца пока не ослеп или пока пальцы не скрючило артритом.

— Хм, но у тебя и так достаточно денег, зачем тратить здоровье?

— Вы же сами носитель, синьор, вы понимаете тот трепет и... очарование от колец. Это магия в прямом смысле слова, а я обучен их создавать, я могу стоять у истоков, приносить в мир эти невероятные инструменты.

— Это благая цель, Луче, альтруистичная, — Энрико с улыбкой кивнул и перешёл к следующему вопросу, — С какой исторической личностью ты бы поговорил, если бы мог? — Он подмигнул и сделал вид что медленно вытаскивает левую руку.

— Только прошу не тревожьте мертвых, я, пожалуй, не готов к такому. А так я бы пообщался с мастером Тицианом.

— Я даже не сомневался...

— Любой ювелир отдал бы всё чтобы узнать секрет его стихийных колец. Мне буквально вчера не посчастливилось столкнуться с одним из них и...

— Олли рассказал мне, не переживай, тут тебе нечего бояться. Кстати вот и последний вопрос: чего ты боишься больше всего?

Лука сразу не нашелся с ответом. Наверное всего? Как сказать этому сладкоречивому убийце что зашуганного юнца пугает вообще вся жизнь. Каждый раз когда он находит уютную нору под большим камнем и тихо занимается там своими делами, непреодолимые обстоятельства уничтожают его покой. В этот раз злой рок принял совсем уж абсурдный облик разряда молнии. Да, вот и ответ, пожалуй.

— Абсурда жизни, понимаете...

— О, понимаю! Когда вокруг творится безумный хаос и ты, привыкши осмысливать и разумно воспринимать мир, понимаешь, что не можешь выделить никакой системы и закономерности, а следовательно, не можешь прогнозировать

и быть готовым к ударам жизни. Экзистенциальный ужас, юноша. Если ты однажды познал его, будешь мучаться всю жизнь. Как и я.

— Вы достаточно точно описали, это ваши слова?

— Нет, я дам тебе почитать этот трактат, станет полегче.

Лука и не заметил как этот седеющий мужчина втянул его в разговор и только собрался переадресовать ему эти три вопроса, как опомнился.

— Синьор Веспуччи, я не смог вам помочь по, кхм, вашему интересу, для чего тогда этот разговор?

— Я всего-то хотел решить брать тебя в банду или нет. И я решил. Ты принят, поздравляю!

Энрико рывком поднялся и крепко пожал ошарашенному Луке руку, левой (тактично оттопырив отсохший палец) обняв его за плечи. Юноша явно растерянно выдумывал отговорки и Энрико опередил его убедительными доводами:

— *Primo*: патернализм, Луче, – один из действенных способов побороть страх перед жизнью, делай что сказано и не думай о плохом. *Secundo*: выход твоему таланту я обеспечу прямо сейчас, мы под лавкой стеклодува, есть и горн и верстак, скажи что нужно и я обустрою. *Tertio*: идти тебе больше некуда, вдобавок ты и так в розыске. Будешь помогать нам, и своему брату, кстати, в деле, и за это получишь титул и должность главы гильдии ювелиров. Конечно, только после того как закончишь обучение и будешь того достоин.

— В каком деле? Убийстве короля?

— Ещё одном убийстве короля!

Лука до смерти напуганный, но, хвала Спасителю — живой, покинул эту комнату. Энрико вывел его к остальным и объявил о своем решении. Оливер скрестил руки на груди и ухмыльнулся, Ник разразился аплодисментами, а девушка безразлично кивнула.

— Мне нужно уйти, вернусь ночью, — предупредил Босс, — когда вернусь хочу видеть вас мертвецки пьяными. Ник, под твою ответственность. — Здоровяк вытянулся по струнке и со всей серьёзностью по-солдатски отсалютовал.

Спустя неполный час стол был завален сытными блюдами и закусками, Олли тащил позвякивающий ящик с вином, портвейном, бренди и шампанским. Ник уселся во главе стола и наполнил кубки.

— От лица синьора Веспуччи, приветствую и принимаю как родного нового члена нашей безымянной группы заговорщиков! Лучше, встань, покажись. Я давно твержу Боссу о необходимости собственного обряда инициации, но он считает что простой попойки вполне достаточно. Кто я такой чтобы с ним спорить? От того нам остаётся только ответственно исполнить данное меро...

— Лоб, рука устала, давай быстрее, — прервала тираду Мари.

— Ай, ну вас, выпьем за Луче, пусть его пальцев всегда будет десять!

Они неспеша ели и много пили. Портвейн быстро и неот-

вратимо брал своё несмотря на обилие жирной закуси.

— Так ты играешь в карты? — С набитым ртом спросил Ник, — Тебе выпала редкая возможность увидеть прообраз... ай лучше покажу, — Здоровяк вытер руки о штаны, не с первого раза встал и взял с книжного шкафа колоду. Перетасовал карты, вытянул одну перед собой, и приняв надменное выражение лица, повернул голову в три четверти.

— Узнаешь? Бубновый валет во плоти! Его с меня рисовали. Шутка ли, в каждом гарнизоне есть такая колода и все пернатые города часами смотрят на мою рожу!

— Ах ты, гнусный плагиатор... — Прощемила девушка, чуть не поперхнувшись, — он наглým образом украл мою предысторию! И ещё так извратил. То, что ты – валет бубновый, конечно, всем очевидно, но срисовать с тебя могли только карту шута!

— Ладно, ладно, я соврал. Но в свое оправдание скажу, что сделал это только чтобы тебя позлить, дорогая. Мари, Луче, известна под прозвищем Натурщица, спец по кражам картин и предметов искусства.

— Всего один чертов раз! Согласилась позировать для известного художника, — Ник откинулся назад и обвёл руками свои невидимые груди, чем заслужил тычок в ребро от девушки. — Его мазня мне настолько не понравилась что пришлось её выкрасть и сжечь. С тех пор и промышляю.

— А мне рассказывать нечего, — с досадой бросил Ник и поджал губы, — папаша мой был нищим пьянчужой. Выби-

вал из меня дерьмо по чем зря, но как это ни странно, это не заставило меня любить ни его, ни его профессию. Как только смог — сбежал в наемники.

— Ты воевал? — Поинтересовался Лука.

— Куда там, мне один раз дали арбалет подержать, ну я в шутку направил его на одного зануду. Мне заехали по рёбрам и больше я оружия в руках не держал!

Световые шахты в потолке уже не светили, при том что их никто не закрывал, а значит уже стемнело. Изрядно выпивший Олли встал из-за стола.

— Так, отщепенцы, не мучайте младшего своей дуростью, я пойду прогуляюсь.

— Неотложные дела мафии? — Зацепила Мари.

— Нет. Никакой. Мафии. — Твердо отчитал Олли Звонарь и удалился.

— Он всегда был похож на монастырский сухарь? — Ник почесал широкий лоб.

— Ему было тяжелее чем мне, он... он так привык.

— А что насчёт тебя самого? Ты же как и брат из низов, как тебя пустили в гильдию?

— Ну это с детства надо начинать, дослушаете? — Получив в ответ утвердительные кивки Лука начал рассказ заплетаясь языком, — Мы с Оливером родились за стенами, при соборе Святого Паоло. Там, при церкви, наш отец всю жизнь трудился свечкарём и мы ему помогали, — юноша закатил рукав и показал множество маленьких круглых шра-

мов от капель расплавленного воска, — сырьё было много и я с малства полюбил лепить и вырезать из воска фигурки. К десяти годам уже так наловчился что за моими свечами синьоры посылали слуг из города. Восковые рыцари, башни, разноцветные подарочные в виде букетов, с примесью эфирных масел, и на что только хватало нашей с Олли фантазии. Свечи товар не дешёвый и самое главное — самоуничтожщ... Тьфу, плавилась они короче!

Он вспомнил тот весенний день. Ему едва исполнилось двенадцать лет, он жевал яблоко и мучался над восковой фигуркой лошади. Каждая из тонких ног то и дело отваливалась и Лука, демонстрируя несвойственную его годам усидчивость, крепил их обратно. В хату вбежал отец и хлопнул фартуком по спине — то был быстрый и безболезненный метод обратить внимание Луки.

— Сюда идёт очень важный человек, живо оботри лицо и руки!

— Кто? — Отец не ответил, а просто вывел мальчишку за порог.

К мастерской шел, опираясь на трость, невысокий старик с длинной белой шевелюрой. Лука разглядел разнообразные кольца на его скрюченных пальцах. Рядом с ним шел монах, один из тех, кто учил его и брата грамоте. Он указал синьору на отца и что-то сказал, и старик, прибавив хромого шага, подошёл к ним.

Мальчик сразу понял что отца заберут на войну и с ужа-

сом вцепился в край его рубахи. Отец и сын низко поклонились и поприветствовали пожилого человека, показавшемуся мальчишке ни кем иным как самим королём.

— Это ты сделал? — Он достал из складок богатой одежды маленькую свечку в виде рыцаря. Голос его звучал добро и совсем не надменно.

— Да, синьор, — Лука виновато опустил голову испугавшись его внимания.

— Можно посмотреть на твое рабочее место?

Старик надел массивные очки и внимательно осмотрел бардак на верстаке, покрутил в руках пару резцов и проводочный нож для воска. После чего сел на табурет и сложил руки на филигранно украшенную трость. Кисти его напоминали гроздья винограда — все в шишках крючковатые пальцы, что носили на себе целую россыпь колец.

— Ты сидишь слишком высоко и потому горбишься, — мальчик тут же свёл лопатки и вытянулся, — если ты правша, окно должно быть слева, так глаза будут меньше уставать и прослужат дольше, — он поднял очки на лоб и выпучил глаза.

Его вид больше не пугал, он, несмотря на массу золота, теперь создавал впечатление доброго дедушки сказителя.

— Ты вырезаешь из дерева или кости?

— Только из воска, синьор.

— Почему? Не любишь напрягаться?

— Нет, просто... Воска у нас много, да и если напортачу,

легко исправить, — Лука взял со стола лошадку у которой тут же отвалилась очередная нога.

— Понимаю. А не обидно что твои творения плаваются и исчезают?

Мальчишка кивнул.

— Я знаю способ как превратить восковую фигурку любой формы в металлическую, например золотую или серебряную. Хочешь научиться?

— С радостью, синьор.

— Ты живёшь при церкви, умеешь читать и писать?

— Умею, но с ошибками. — Луку пробрал страх, он, очевидно, провалил эту проверку.

— Учись усерднее. А вот как ты думаешь, дитя, почему свеча горит?

Он занервничал ещё сильнее. Потому что в ней фитиль? Но он же сам об этом знает. Потому что так угодно Спасителю? Так отец его учил, но это ожидаемый ответ...

— Потому что человеку это нужно. — Ответил Лука, испугавшись что слишком долго думает. Пожилой мужчина широко улыбнулся и кивком принял ответ.

— А магией ты одарён?

Брови поднялись чуть ли не до затылка, маленькое сердце бешено заколотилось.

— Я... я не знаю... Папа говорил что мама могла...

— Ох, прости старика, что я спрашиваю? Вот, надень. — Он снял с искривлённого какой-то болезнью мизинца сереб-

ряное кольцо с вычурным узором и голубым камнем, и протянул Луке.

— Простите, я не могу, кхм, принять его.

— Вот молодец! Я не дарю его тебе, просто надень. — Мальчик виновато кивнул и послушался. На его тоненький указательный палец кольцо налезло до самой костяшки, сеньор взял его за первую фалангу, — Ну, чувствуешь что-нибудь? Попробуй направить в него немного силы, представь что внутренний свет стремится к пальцу.

Ощущение было странное, будто Лука сунул руку в горшок с крупой. Он последовал совету, закрыл глаза и сосредоточился.

— Не тужься так, расслабься. — Подсказал старик, должно быть, рассмотрев его глупую гримасу и без очков.

Что-то неуверенно устремилось от плеча к локтю, затем к кисти. Необъяснимый поток разветвился в запястье и потек к пальцам. Указательный сразу похолодел.

— Ну вот мы и выяснили. Ты – носитель, правда очень слабый, но в нашем деле это не проблема.

Лука, всё ещё впечатленный внезапно открытой в себе силой, вопросительно посмотрел на него.

— Меня зовут Жакомо Левренти, я заведу гильдией ювелиров и, даст Спаситель, хочу видеть тебя среди учеников.

Путаясь и спотыкаясь на полуслове Лука рассказал эту историю за столом, теплые воспоминания о наставнике вызва-

ли широкую улыбку.

— Так ты и попал в гильдию? — Мари снова показалась небезразличной.

— Да, но не сразу. Вскоре умер отец и мы с братом продолжили семейное дело. Я научился делать из гипса формы для литья и всё пошло-поехало. Олли занимался закупками, воск и специальные красители стоили немало, про эфирные масла я вообще молчу, а он умел договариваться. Тут перехватил поставку, там выкупил контрабанду у пернатых, так и влился в преступный круг.

— За это и уехал в Серый Монастырь? — поинтересовался Ник.

— Ох, это вообще самое тупорылое завихрение моего мелкого ума. Дело шло в гору, были недели когда выручка с наших свечек вдвое превышала сумму подати, настоятель нас просто обожал. А потом мне в башку пришла "гениальная" идея. Вот скажите мне какой самый узнаваемый символ нашей веры?

— Распятие. — Одновременно сказали Ник и Мари.

— Вот я и решил что большая, красивая свеча в форме креста с распятым Спасителем на нём будет иметь колоссальный успех. И я оказался прав, первые две партии раскупили мгновенно, и мы закупили кучу материала в долг. А теперь скажите, чего мы, два слепых межеумка, не приняли во внимание.

— Свечи горят! — Мари оказалась сообразительнее.

— Вот и инквизитор подметил этот малоизвестный факт! Был суд, много шума, мы сразу во всем признались и рассказали, настоятель выступил на нашу защиту и потерял сан, но вымолил поблажки. По сути нас спасло только то, что он предоставил идеальную, практически святую учётную книгу и исправно платил все налоги. Мне по причине малолетства ничего, кроме штрафа не было, а Олли по совету неравнодушного аббата прочитал стих из писания и изъявил искреннее желание искупить вину служением. Так он попал в Серый Монастырь где четыре года трудился звонарем. Должен был пятнадцать вообще-то, но подельники его вытащили. Ну а я с голой задницей пошёл к ювелирам, — Лука поднял последний на сегодня кубок, — прости отец, мы все прозвенели!

Охранник сидел у подножия деревянной лестницы. Шириной плеч, равной проему, амбал перекрывал единственный путь к уже отошедшему ко сну хозяину дома – крепости. Второй охранник стоял, облокотившись о стену, и то и дело занюхивал табак. Нос он сразу зажимал до синевы, корчил агонические гримасы и утирал слёзы, – всё лишь бы не чихнуть и не разбудить синьора Аргилли

Ставни закрыты, дверь на трех засовах, решетку в трубе камина проверяли на днях. Можно немного расслабиться на посту и вдоволь разжеваться.

Из-за угла в коридор вошёл человек.

Стоявший у стены стражник проморгал залитые слезами глаза, но образ человека в светло-сером одеянии не исчез.

— Посторонний! Тревога! — Здоровяк подскочил с лестницы и, выхватив клинок, бросился в атаку.

Лицо вторженца было закрыто тканью, руки он держал за спиной и спокойно шел навстречу, шел беззвучно и упорно, будто без усилий мог пройти сквозь огромного стражника.

Он действительно мог.

За спиной человека в сером за клубился туман. Молочные щупальца быстро но плавно окутали его, скрыв фигуру полупрозрачной дымкой. Амбал замахнулся мечом на бегу.

Сокрушительный удар клинком рассек облако надвое. Туман, потянувшийся за клинком, закрутился вихрем, раздался гулкий звук упавшего тела.

Это был второй охранник. Не смеющий дышать от ужаса он рухнул вдоль стены, закрыл голову руками и тихо забормotal молитву супротив зла. Этот сообразил.

Здоровяк нанес удар сверху вниз, ещё один, и ещё, чем только развеял туман по сторонам. И только теперь понял что призрачная пелена окружила его.

Он возник на мгновение. Нечеткий темный образ в серой пелене. Очутился за спиной, вскрыл глотку громиле коротким рывком и растворился. Вновь появился уже возле вжавшегося в пол второго, наклонился и легонько стукнул по спине пятой кинжала. Тот взвыл и быстро пополз вдоль стены, прочь от этого ужаса.

Прочь от Лаврийского Призрака.

Из растекающейся по коридору стены тумана вышел си-луэт, потянув за собой его клубья. Не было четкой границы меж его серой одеждой и дымчатыми завитками, плавно струящимися с плеч и бедер. Он поднялся по ступеням, не скрипнувшем под его невесомыми шагами, и встал перед массивной дверью.

Вниз по лестнице молочным водопадом разливался гу-стой и холодный "плащ" убийцы.

Бруно Аргилли лежал в своей кровати натянув одеяло от носков до самой переносицы и с ужасом наблюдал как из-под запертой двери просачивается дымка, сияющая в лун-ном свете. Туман поднялся, сгустился и сформировал чело-века.

— Синьор Аури очень хочет узнать куда вы дели свое пор-тальное кольцо.

— Я, я... умоляю, пощадите. У меня украли... Не знаю кто. Украли! — Бруно так и лепетал из-под одеяла, показав из "укрытия" только вытаращенные глаза. — Я испугался, решил спихнуть все на сволочь Манчинелли, взял кольцо у него. Хотел, хотел найти свое и вернуть все на места! Про-стите умоляю. Дайте мне несколько дней и я найду...

— Кто украл?

— Рою как могу, но оно как в воду кануло. Но я найду, клянусь найду, вы же меня знаете! Заберите пост, дом забе-рите, киньте меня в монастырь или на каторгу, но не убивай-

те, прошу – сохраните голову!

— Твоя голова мне ни к чему, — подошёл ближе убийца в сером, — но в ней есть кое-что ценное.

— Нет... Нет-нет-нет. Я не знаю! Я не могу ничем помочь, я просто не знаю. Винсент спрятал их даже от меня. Да и он, он убьет и меня и тебя и их заодно. Ему ничего не стоит убить... Удушит, точно говорю!

— Не Гарроты тебе стоит бояться, шпик. — Убийца обнажил обоюдоострый клинок из серой стали, раздался тихий хрустальный звон.

— Ты убиваешь быстро, без страсти... А он, он...

Раздался громкий щелчок и из-под одеяла, проделав в нем дыру, вылетел арбалетный болт. Прошил грудь убийцы на-вылет, вырвав оперением маленькое дымное колечко из спины, и воткнулся в дверь позади.

Серая ткань одежд срослась, закрыв сквозную дыру в груди мстительного духа.

Бруно Аргилли орал, прикрывался бесполезным арбалетом и вился в кровати как змей, что осложнило работу. Только после шестого удара он перестал двигаться. Лежал, опутанный бело красным одеялом, будто коконом паутины.

Колечко тумана медленно плыло по воздуху, мерно покачиваясь увеличивалось в диаметре и, наконец, догнав породивший его болт, разбилось о дверь.

Утро выдалось на редкость отвратительным. Лука проснулся и обнаружил себя на лежанке в каком-то подвале, потным, липким, вонючим и одубевшим. С трудом поднялся на ноги и еле сдержал подступившую к горлу желчь.

— Эй, ювелир, как себя чувствуешь? — Так, этот здоровяк — Ник.

— Будто меня ночью зарезали.

Он собрал разлетевшиеся по углам отрывки воспомина-ний.

«Олли вернулся, мы пели песни, потом Босс... что-то принес. Взгляд юноши упал на пустую бутылку каркассонскогопряного рома. Ах, вот оно что...»

— Это твое кольцо с бриллиантом — настоящее чудо. Если пить из наперстков, конечно.

Лука инстинктивно прижал левую руку к груди. Вспыхнула картина как он хвастается перед всеми, включая синьора Веспуччи, "чудом" создания капельки рома из ничего.

— Да, как раз хватит опохмелиться. — С натянутой улыбкой выдавил Лука.

Энрико спустился по лестнице, осмотрел бардак в помещении и театрально развел руками.

— Так, вакханты, приближайте себя к человеческому образу и идите в переговорную.

Ник откинул гобелен и достал из углубления в стене бутылку воды, умылся из неё над миской с куриными костями и, напоследок похлопав по щекам и смачно плюнув, передал

её товарищу. Они оба шатко побрели за угол. Из комнаты справа высунулась Мари, явно гораздо более свежая, и последовала за ними.

Лука завалился в обитую тканью комнатуху, синьор Веспуччи уже сидел за столом напротив и зажигал лампы. Ник бесшумно закрыл за собой дверь, каморка погрузилась в полумрак.

Босс достал что-то из кармана и положил на стол. Простое золотое колечко без каких-либо изысков, обычное обручальное. Разве что слишком широкое.

— Надень-ка его. — С каким-то подозрительным воодушевлением бросил Ник.

Новенький послушно надел его на средний палец и покрутил кистью.

— А теперь используй, только не вздумай деактивировать!

Весь накопленный опыт говорил ювелиру что оно никак не может быть магическим, руны можно скрыть хитрой технологией, но без камня – акцентуатора ничего не выйдет. Однако чувства твердили обратное, – оно точно отзывалось на его "прикосновение".

Лука посмотрел на хитрую мину Ника и все же активировал. Широкое кольцо разделилось вдоль ровно по середине.

Палец отвалился от кисти и упал на стол. Юноша заорал и схватился за ладонь. Отрубленный палец подпрыгнул, перевернувшись. Здоровяк заржал как конь, схватившись за край

стола.

— Доволен, Лоб? — Буркнула Мари, не впечатлившись этим фокусом, — Он мечтал о новом носителе в банде только ради этой выходки...

Ник хохотал как умалишённый, похоже, отчасти, он таким и был.

Лука разжал кулак и отделенный палец выпрямился. Отвратительное зрелище, но он всё понял.

— Портальное кольцо! Да сколько у вас артефактов?

— Это последний, Луче, да больше нам и не нужно. — С ухмылкой ответил Босс.

Лука осторожно вытащил палец. Он непостижимым образом вылезал из ниоткуда, пропадая со стола. Энрико поднял оставшееся на столе кольцо и направил на Луку, тот же посмотрел во второе.

— Мы называем его "глазок", по понятным причинам. — И действительно, приложив кольцо к глазу, Лука видел в нем самого себя. Смотрел, ужасаясь своему потрепанному виду и восхищаясь таким волшебством.

— Ты знаешь что-нибудь о них?

— Нет, синьор, никто не знает, их мало кто вообще видел, их всего четыре, все принадлежат короне. И ещё одно было потеряно лет сто назад... Вы нашли его!

— Да конечно! Я украла его у королевской разведки. — Похвалилась Мари.

— Ник, ты закончил? — Бросил Босс смахивающему сле-

зы шутнику, — открой дверь, а то надышали так, что свечи гаснут.

— Ах вот как вы убили короля! — Воскликнул Лука и вид его собственного изумления сбил юношу с толку. Смотреть на себя не в зеркало, а с точки зрения другого человека было очень непривычно.

— Да, но подожди, сначала инструктаж. При активации это простое на вид кольцо делится на два. Между ними образуется сквозной проход через который можно смотреть, слушать, — это слово он сказал прямо в кольцо и оно прозвучало одновременно из двух источников: рта самого Энрико и половинки в руке Луки, — можно передавать маленькие предметы, или уколы мизерикордией. Шпионы его просто обожали... Убери его от лица подальше, сынок.

Кольцо на ладони юноши свернулось само в себя, превратилось в точку и исчезло, кольцо в руке Энрико снова стало широким, он надел его на палец как самое обычное украшение.

— При деактивации с любой стороны, второе кольцо исчезает и возвращается к тому, которое деактивировали, понятно? — Ювелир активно закивал, — а теперь самое важное. Ты не при каких обстоятельствах не должен деактивировать его со своей стороны! В таком случае оно исчезнет отсюда и целиком останется у тебя. Мы расценим это как кражу и клянёмся в таком случае тебя убить. Это понятно? — Лука медленно кивнул, — одна половина всегда находится в этой

комнате под присмотром Ника, вторую можете брать с собой с моего позволения. Переговорная изолирована от посторонних шумов для вашей безопасности, не забывай что любой скрип или хлопок дверью может быть услышан на другом конце. Мы пользуемся кодовыми словами и звуками, в процессе расскажем подробнее, ты должен их запомнить, пока хватит основных.

— Один щелчок пальцами с твоей стороны – команда мне прислушаться. — Сказал Ник.

— Два щелчка – опасность. — Добавила Мари.

— Три, — жутким тоном протянул Босс и наклонил голову, — Лаврийский Призрак.

— Призрак? — По спине Луки пробежали мурашки.

— Это не шутка, юноша. Если на миссии тебе, избавь Спаситель, хотя бы померещится туман – кричи как резаный. А на случай если глотку сдавит от страха – три. щелчка. Ясно?

— Да, синьор, три щелчка.

— Вот и славно, а теперь, да, именно так мы и достали Чезаре. Мари выкрала глазок у шпииков, подсунув им фальшивку, Ник подкупил подмастерье королевского бронника. Олли Звонарь взял его семью в заложники для верности. Чёртов Петруччо, истрахав нам все нервы, подложил половину кольца в подкладу королевского доспеха прямо напротив сердца, ну а я всадил монаршейству стилет по самый позвоночник.

— Ловко... Но второй раз такое не сработает, так ведь?

— Есть несколько идей, позже поставлю вас всех в извест-

ность. Сперва, Луче, что конкретно тебе нужно чтобы приступить к работе?

Лука нахмурился и недоуменно уставился на Босса.

— К какой работе?

— Возьми в привычку записывать идеи пришедшие во сне или на пьяную голову. Ночью ты показывал кольцо запоминающее жидкости, и убеждал Мари что можешь засунуть все ее духи в опал, припоминаешь?

— Точно, — в голове ювелира будто развернулась и разгладилась смятая до сих пор бумажка с подробной инструкцией. Он придумал как видоизменить формулу чтобы она работала не с жидкостями, а с газом, — Мне нужно будет немного золота и серебра, точные весы, кое-какие инструменты, а камень у меня с собой.

— Хорошо, вы двое, идите в зал. — Обратился Энрико к здоровяку и девушке.

Оставшись наедине с новичком, мужчина достал из-под стола два маленьких пузырька, сыпанул толику жёлтого порошка из одного в другой, наполненный водой, закупорил и взболтал.

— Это яд? — Лука сразу же решил что главарь передумал и сейчас заставит его выпить.

— Яд. Самый дрянной и дешёвый. "Запомни" его своим колечком, а потом используй на какой-нибудь крысе. Я хочу узнать сработает ли его "копия". Как это вообще работает?

— Если вкратце, — Лука откупорил пузырек и окунул

бриллиант в жидкость, — оно фиксирует "рецепт" жидкости, её состав скорее... А при последующей активации вытягивает воду из окружающего воздуха и на её основе создаётся требуемая эссенция.

— Со всеми свойствами оригинала?

— Я проверил только вкус и цвет, но, полагаю, ядовитость тоже копируется.

— Если так, то это настоящее сокровище. Лучше, ты на редкость талантлив.

Они вышли из переговорной и присоединились к остальным в зале. Там уже стоял Оливер, он поздоровался с Боссом и передал конверт. Синьор Веспуччи загладил кудрявые чёрно-седые волосы и скомандовал всем рассестись.

— Рад видеть что наша неудача никого не сломила. Заговор продолжается, мы не сдаёмся. Наша новая цель практически не отличается от прежней: мы снова убьём "короля". Чутьё законченного диссидента подсказывает мне что кольцо с лилово-зеленым камнем, коим Чезаре светил на турнире сразу после "смерти", самым прямым образом повлияло на его воскрешение. Лучше, ты у нас ювелир, дай оценку.

— Кхм, двухцветные камни, действительно, используются для создания самых сильных магических колец. Дихроизм акцентуатора требуется при комбинации нескольких сложных рунных формул, — Лука посмотрел на выпученные глаза Ника, — конкретно этот самоцвет, лилово-зеленый, — это точно александрит. «Императорский камень». Ес-

ли кольцо с ним магическое, то однозначно невероятно мощное.

— А это означает что использовать его могут только сильнейшие носители, верно? — Спросил синьор Веспуччи. Лука кивнул, — значит круг подозреваемых сужается до самых знатных синьоров, особенно владеющих кольцами Тициана, — Лука вновь кивнул, — не хотелось бы лишать государство верхушки на этом этапе, ну что ж. Старый генерал Альфонсо Фуго носитель кольца огня и второй человек в стране; знакомый Луче капитан гвардии Туон Торmento носит Fag patrono, а первая мразь и благодетель в Лаврили — Винченцо Аури, известный как Гаррота, владеет кольцом ветра, последним из пяти стихийных и самым могущественным.

— Гарроту удавим первым! — Воскликнул Ник.

— Лучше Туону Вялая Молния его рапиру в зад затолкаем. — Предложил Оливер.

— Терпение, — Босс хлопнул в ладоши, — сейчас они заперлись во дворце на семь замков, там мы их не достанем. Вдобавок шпики поднялись на уши. Главу тайной службы этой ночью убил Призрак, — все напряглись, Ник нервно сжал челюсти, — кстати, вот нам и ещё один сильный носитель с кольцом Тициана.

Главарь заговорщиков раскрыл конверт, полученный от Олли, и достал красиво расписанную бумагу.

— Запасной план таков – мы сравниваем королевский дворец с землёй. Все кто выживут – разбегутся по своим замкам

и виллам, где их будет гораздо легче достать, — синьор Веспуччи положил лист на стол, Мари открыла рот и взвизгнула, — да, Натурщица, это то что ты видишь. Приглашение на Mostra d'arte, на имена Жана и Анны Де Вержи, а также их слуги.

— Я попаду в цитадель искусства синьора Висконти!

— Выставка пройдёт через четыре дня, там по традиции будет и представитель короны. Ты, Луче и Оливер должны узнать какое полотно он купит с молотка ко двору. Затем ты, моя дорогая плутовка, подбросишь в картину портальное кольцо, и когда её выставят во дворце, мы подгадаем момент и выплеснем из сифона столько алхимического огня, сколько хватит на второй Великий пожар. Всё ясно? — Заговорщики кивнули, — Вопросы, предложения, возражения?

— У меня, синьор, — Лука робко подал голос, — а как же дворцовая прислуга?

— Вот, — Энрико указал на юношу ладонью, — вот чего нам не хватало! Кто-нибудь хотя бы подумал о лишних жертвах?

— Я. — Отозвался Ник.

— Почему не озвучил?

— Если бы дворец брали не ловкой диверсией, а скажем, традиционно, — осадой и штурмом, что было бы с прислугой?

— То же самое... — Осознал Лука.

— Все честно, Луче, — продолжил Энрико, — эти люди получают самое большое жалование и отчаянно перегрызут

глотку любому кто претендует на их место. Но вместе с benefitом они взяли на себя и риск лишиться жизни за него.

Лука понимающе кивнул, но нечто, вложенное отцом и возвращённое наставником Жакомо, протестовало в его душе. Так или иначе, выхода этому свербящему чувству он не дал. И в каком-то веке не из боязни сказать слово, а из ясного понимания бессмысленности дискуссий о морали с этими людьми.

С этим человеком.

Глава 3. Шедевры не тлеют.

— Дьявол, что они с ней сделали? — Лука крутил в руках свою мраморную плитку с символом для зарядки колец. Из нее начисто выковыряли серебряную инкрустацию.

— Ну, что осталось. — Ник пожал плечами и развернул небольшой свёрток.

Лука по очереди осмотрел пару своих резцов, напильник и два штихеля на предмет повреждений. Эта горстка – всё что Нику удалось найти у старьевщика в районе где была мастерская Луки. После обрушения местные, конечно же, растащили все по домам, а то, чему не нашлось места в быту, – сбагрили.

— За птицу узнал?

— Да, улетела в небеса... Ну, в смысле померла. Извини.

Брюлик был особенной птицей. Он пятнадцать лет прожил у наставника Жакомо и иногда говорил его голосом, его словами. Был случай когда Лука долго не мог соотнести два металла в кольцо и подобрать камень, и тогда Брюлик, ни с того ни с сего, начал повторять отрывок лекции мастера о проблемах триангуляции. И он пришелся настолько к месту, что Лука точно убедился, что через эту говорящую птицу его наставник продолжает помогать любимому ученику.

— А птица сильно нужна для создания колец? Вы прино-

сите зверюшку в жертву и запираете душу в камне или типа того?

— Нет, птица была просто питомцем, и в жертву мы никого не приносим.

— Кто вас знает? Ладно, вот остальное. — Здоровяк достал из поясной сумки большой кожаный пенал и несколько свертков.

Лука расстегнул ремешок и развернул пенал. В кармашках и петельках лежали всевозможные ювелирные инструменты: резцы и напильники, пинцеты, плоскогубцы, хорошая лупа и молоточки.

— Купил в разных местах? — Уточнил профессиональный кустарщик.

— Обижаешь! Половину украл, за остальным бегал по всему городу.

— Спасибо, Ник, это хорошие инструменты.

Здоровяк не отреагировал, он, похоже, не нуждался в элементарной вежливости. Ник, повторив вчерашний тост, пожелал сохранить все пальцы и ушёл. Лука рассовал свои старые, пережившие обвал, инструменты по пустым местам в пенале и принялся за работу.

Владелец лавки – стеклодув по имени Карло вообще не разговаривал, и несмотря на комплекцию толстого весельчака, на лице носил бессменную маску суровой отстранённости. Он был, похоже, чем-то обязан Энрико, раз по первому требованию предоставил Луке свою мастерскую с маленькой

плавильней и верстаком. Рабочее место, конечно, пришлось переоборудовать, но Карло был не против.

Ювелир ровно положил мраморную плитку на стол и ещё больше ужаснулся, — повсюду были глубокие сколы, в местах, где линии зарядного глифа пересекались, вандал оставил глубокие рытвины. С другой стороны, он хотя бы постарался, мог ведь просто расколотить её молотком. Да и она все равно не подошла бы для этого кольца — глиф должен быть из золота.

Горн горел, Лука, снявший рубаху, обливался потом. Волотильная пластина с семью отверстиями, — каждое меньше предыдущего, изнуряла одним своим видом. Золотая цепочка, смилуйся Спаситель — не краденая, плавилась в тигле размером с кофейную чашку.

Подцепив его клещами, юноша протяжным движением вылил густой металл на накаваленку. Когда золотая заготовка шириной и длиной с мизинец поостыла, он подровнял её молоточком, превратив в прут. Потом схватил клещами за один конец и вставил в самое широкое отверстие в вертикально закреплённой пластине. Подцепившись с другой стороны, что есть сил потянул.

Процесс изготовления проволоки — тупое, нудное и нескончаемое занятие. Совершенно заслуженно выражение "тянуть канитель" заняло свое место в народной речи. Проволоку приходилось постоянно накалять и, пока она не остыла, протягивать и протягивать через круглые отверстия, по-

степенно уменьшая их диаметр. Лука убил на это ненавистное занятие пол дня, между лопатками будто вбили клин, руки тряслись от напряжения, но золотая нить подходящей толщины была готова.

Коротко отдохнув и перекусив, Лука вернулся в мастерскую и застал там Карло, молчун осматривал плавильню.

— Слишком горячо, не прожги печь. — Это были первые слова что Лука от него слышал вообще. Толстяк покачал головой и вышел.

Посвежевший, недоучка взялся за инкрустацию. Проволока ложилась в расшарканные канавки мраморной пластины как родная.

Несмотря на сколы и трещины, работа удалась на славу. Возможны небольшие истечения энергии, но не критичные. На несколько зарядов хватит, а потом можно будет заморозиться над новой.

— Спину выпрями! — Одернул его вошедший брат, — ну как, освоился?

— Пока занят знакомым делом мне спокойно.

— Не ной, братишка, я с тобой на деле буду.

— Почему я, а?

— Плутовку одну не отпустишь, а у меня для месье Жана морда слишком... вернакулярная.

— Спаситель, что это за слово?

— Нахватался от Босса всяких гадостей. Покруче obscenной лексики, чтоб её.

— А Ник не может пойти вместо меня?

— Его лобешник мечтает проломить каждый второй житель Октавиона. Да и отпускать его в приличное общество точно не стоит. Смирись, родной, и прекрати трястись как монах, застуканный за... тьфу ты, Боже заberi мою память, — Олли встрепенулся, вспомнив что-то о чём Луке не хотелось знать, — доведешь девку под ручку до места, поточишь закуски, она все сделает, и пойдем обратно. Ровным счётом ничерта страшного.

Оливер потрепал брата за плечи и ещё раз напомнил об осанке, после чего спустился в подвал. Лука уже совершенно потерял рабочий настрой, его голову теперь занимали страхи и тревоги предстоящей вылазки.

Как нельзя кстати в мастерскую зашёл Карло, одетый в фартук и перчатки. Он принялся возиться с горном, отказавшись от помощи ювелира. Лука прибрал свои инструменты, отставил плитку к стене и уступил рабочее место владельцу.

Спустившись в подвал, он обнаружил там только Олли, все остальные разошлись по неизвестным делам.

— В коридоре за шкафом ещё две комнаты, что там?

— Ну иди, посмотри, только в переговорной по стенам не хлопай — задохнешься от пыли.

— Если кто-то придет — громко чихни.

Олли чертыхнулся. Чрезмерная опасливость младшего изрядно его раздражала, но он, похоже, давно смирился.

Лука проскочил за шкаф и открыл дверь справа. Эта не

была так же хорошо смазана и протяжно скрипнула. Комнатка чуть больше переговорной, из световой шахты на потолке лился оранжевый закатный свет, по углам стояли две кровати и большой сундук. Интерьер больше ничем похвастать не мог, и юноша взялся за изучение третьего помещения.

С первого взгляда стало очевидным что это кабинет сеньора Веспуччи. Посреди прокуренной комнатухи стоял небольшой письменный стол. Сверху, из шахты на него падал рассеянный свет, который, несмотря на скорый закат, был белым.

— Ого, призма? — Лука вслух удивился такой недешевой штуке в старом винном погребе.

Книжные полки буквально ломились от всевозможных томов, беглый осмотр корешков показал что это в основном античные философские трактаты, но между ними затесался и учебник по арифметике. Юноша сторал от любопытства и умирал со страху.

Энрико хранил миллион секретов, тут должны быть какие-то намеки. Рыться в чужих вещах — непозволительно, но Лука нутром чувствовал что от этого мужчины исходит опасность. Вопрос стоит о выживании, а значит любая потенциально полезная информация повышает шанс на спасение.

Морщась от тяжёлого запаха табака он трясущимися руками открыл секретер и достал стопку бумаги. Первый лист был похож на титульный, сверху была крупная надпись кра-

сивым почерком: "Свадьба Веельфегора", под ней краткая аннотация, которую Лука пробежал глазами наискосок, в внизу нашлась лишь маленькая подпись "Asmodeus". Быстро пролистав страницы, Лука понял что это какая-то пьеса, вернее ее начало. На полях и кое-где в тексте были пометки и замечания, наверное, Энрико пытается адаптировать её для театра.

— Что ты здесь делаешь!?

Лука скончался на месте. В дверях стоял Олли и чуть не лопался от смеха.

— Чтоб тебя! Если меня удар хватит, – сам же будешь мне зад подтирать.

— Ну ладно тебе, вон, видишь какой прогресс – сдержал визг! Ещё пару раз и нервы будут железные, хах.

— Пошли в зал, тут явно ничего полезного нет.

— А что ты ищешь?

— Брат, понимаешь... мне этот Энрико как-то не сильно импонирует.

— Так, тот стёб с заумными словечками был разовым, говори по-людски.

— Не доверяю я ему. Стелит он больно мягко и любого в прыжке переобует, такие только подначивать и способны,

— Делился Лука по пути в зал.

— И что с того? Работа у него такая. Ты других капореджиме не видал, свечкарь! Либо бараны, либо пустозвоны. А Энрико хоть и не из путных, но с руководством справля-

ется.

— Манипуляциями и этической эквилибристикой?

— Сука, если я понимаю эти гребаные слова, это не значит что я хочу их слышать! — Олли чрезмерно повысил голос, — нас он просто купил и срать мы хотели на его манипуляции, советую тебе думать также.

— Ладно, так и впрямь должно быть спокойнее. — Лука развёл руками.

Вскоре пришли остальные, рассевшись за столом все вместе взялись ужинать.

— Не тошнит от колец ещё? — Обратился к Луке синьор Веспуччи.

— Нет, я сегодня так и не приступил к работе. Обустроивался.

— Хорошо, тогда перед сном Ник тебе про глазок расскажет. — Энрико снял с пальца золотое кольцо и отдал громиле.

После плотного ужина ювелир сидел в пыльной комнате и с восторгом крутил в руках главную головоломку столетия. Никаких рун вообще, ни клейма мастера, ни самоцвета. Он занёс его над ладонью и активировал, "глазок" разделился на две половины и вторая упала в руку, он аккуратно положил её на стол.

— Правильно, аккуратно с ним. — Присматривал Ник.

Лука заглянул внутрь кольца. Видно было потолок, но он

обратил внимание на другое: внутренняя часть кольца была в два раза шире чем внешняя.

— А, вот оно что... при разделении оно парадоксальным образом остаётся целым, но только изнутри, — Лука провел подушечкой пальца по внутренней поверхности, кончик ногтя выглянул из второй половины, лежащей на столе.

— Смотри как можно! — Ник забрал "вход" и надел на палец, тот вылез из "выхода" и пополз по столу как гусеница.

Лука осмелел и осторожно поднял его за вторую фалангу, сразу перехватив другой рукой за само тонкое кольцо. Ник не протестовал. Лука перевернул его — с обратной стороны кольца была тьма, а вернее кружок неопределимого "ничего".

— У меня сейчас голова лопнет.

— Ещё наиграешься, — Ник вытащил палец и деактивировал свою половинку. Колечко Луки завернулось само в себя и, он теперь хорошо рассмотрел, — вывернулось в руке Ника, снова став широким и с наружной стороны.

— Я серьезно, как к этому можно привыкнуть?

— Ну, для меня это уже рутина, Луче. Теперь слушай внимательно. Его нужно носить в специальном кармане выходом к телу, если мне понадобится тебе что-то передать или сказать, я просто ткну тебя пальцем. По началу будет непривычно ощущать что ты всегда, как бы сказать... В нескончаемом диалоге со мной, я как чертёнок, сидящий у тебя на плече. Где бы ты ни был, я буду рядом. Так понятнее?

— Ага.

— Вот, а, да, если захочешь выпить Мари вот что придумала, — Ник достал из-под стола бутылку вина из которой торчала стеклянная трубочка, — только Боссу не говори.

— Ловко, очень ловко.

— Два тычка и почесывание с моей стороны означает что ты должен незаметно прошептать в глазок доклад об обстановке. Важное примечание: не клади кольцо в задний карман как твой брат и передай ему: пусть задницу себе сам чешет! — Ник рассмеялся, а Луку пробрало теплое чувство от того что жёсткий как подошва Олли все же умел иногда подшучивать, — Один сильный тычок — команда немедленно прекратить то что ты в этот момент делаешь, не забывай, я все слышу. Так, что я ещё не сказал... а, веревка. По твоей команде "корда" я просуну тебе конец прочной веревки и ты вытянешь её со своей стороны, желательно на всю длину. Если время не позволяет, допускается привязать один конец куда ты там его собрался привязывать, а кольцо из которого по-прежнему торчит веревка надёжно положить в карман. Ни в коем случае не сбрасывай его с высоты, во-первых: оно может сломаться, во-вторых: другой конец который я тут держу в руках очень быстро затянет на твою сторону и я останусь без рук. Пока веревка продета в кольцо я тебя не услышу, кстати, но это ладно, тебе вряд-ли придется лазить по корде.

— С этим все ясно, можно вопрос? — Ник кивнул, — что там с Призраком?

С его лица мгновенно исчезла дурашливая рассеянность.

— Туман, Луче. Как ты думаешь, что будет если тварь, способная протиснуться в игольное ушко, без единого звука вскрыет тебе глотку и обнаружит портал, ведущий прямо в эту комнату?

— Всё, понял.

— Так, о чем я говорил? Ладно, самое главное – не свети кольцом, — он протяжно зевнул, — ой, и не воруй его, а то Босс тебя убьёт.

Новый день был наполнен работой с самого начала. Лука занял мастерскую и первым делом высчитывал пропорции для нужного сплава серебра. Весы, принесенные Ником, были неточны, и ювелир кропотливо приводил их к равновесию зернышками пшена.

Пока разгоралась печь Лука подготовил форму для литья. Заморачиваться с воском на этот раз не было нужды, — он одолжил у Олли обычное серебряное кольцо, обмазал салом и впечатал его в глину до половины. Деревянной палочкой оставил две маленькие канавки, когда их заполнит металл они станут креплениями для самоцвета. Тоже самое он повторил со второй половиной формы, и, вытащив кольцо из глины, продавил широкий канал для заливки.

Ровно сложил две половины формы и, крепко перевязав грубой железной проволокой, поставил над печью просуши-

ваться. Часов пять можно слоняться без дела.

К вечеру форма просохла. Лука подбросил угля, и принялся раздувать мехи, обливаясь потом. С жаром ювелир явно перестарался, серебро растаяло слишком быстро. Этого старались избегать ведь чрезмерный нагрев мог изменить проводимость металла.

Спустя полчаса грубая серебряная отливка кольца была готова. На счастье, четыре тонких усика пролились полностью, и начинать все заново не пришлось. Лука решил закончить работу до того, как стемнеет, поэтому работал быстро и не очень аккуратно. В конце концов он не был до конца уверен что формулу, рассчитанную на создание жидкости удастся с первого раза адаптировать под эфиры. Это кольцо лишь прототип.

Мягкий металл охотно поддавался твердому резцу, серебряные кучеряшки, точно пружины, выскакивали из-под острия инструмента. Руны сотворения были сложными, с обилием завитков и разветвлений, одно неверное пересечение и циркулирующая по формуле энергия будет улетучиваться в этом месте. Хоть это и тестовый прототип, такого непрофессионализма допускать нельзя.

Особенно витиеватой была руна «Гемини», Лука уже использовал её в кольце с бриллиантом, как следует набил руку, и сейчас вывел её просто идеально.

Закончив с резьбой, ювелир принялся заполнять её золотой нитью. Руки не дрожали, дыхание выровнялось, голова

была ясна как день, Лука любил это дело всей душой и находил в нем редкие минуты покоя. После инкрустации он ещё раз обжёг кольцо в печи чтобы два металла сцепились, но не сплавились, и отточенными движениями закрепил радужный опал в оправу.

Мраморная плитка, со вчерашнего дня ждавшая у стены, наконец была использована. Лука положил новое творение в середину, камнем от себя, и плавным круговым движением зарядил кольцо.

Руны сияли солнечным светом, опал же выглядел просто невообразимо. Он горел разноцветными пятнами так ярко, что на белом мраморе танцевали краски. Это напомнило Луке о доме — в церкви был красивый витраж и после обеда алтарь светился точно также.

Свет быстро угас и Лука надел кольцо на средний палец левой руки. Ему хотелось как можно скорее проверить его в деле, он осмотрел мастерскую на предмет особо пахучих вещей, но на глаза попала только баночка с достаточно вонючим прогорклым жиром. Он поднес кулак к банке и активировал кольцо, руны в последний раз отчётливо засияли, опал заиграл всеми цветами.

Выйдя из лавки на свежий воздух, ювелир поднес руку к лицу и "выпустил" аромат. Его тут же окутала вонь старого сала, юноша зажал нос и, борясь с тошнотой, забежал внутрь.

— Я буду вонять тухлым жиром ещё неделю! — Гордо сказал Лука, подняв руку с новеньким кольцом.

— Получилось? — Босс оторвался от чтения какой-то бумаги.

— Простите, синьор... — Лука направил на него руку и пустил толику магии в кольцо.

Сидящий в шести шагах от Луки Энрико сморщил лицо и принялся отмахиваться листом от окутавшей его вони.

— Чудесно, Луче, я бы, конечно, предпочел простое "да".

Все время до отхода ко сну Ник, Энрико и Лука развлекались с этой диковинкой. В ход пошли все взятые без спроса парфюмы Мари. Предложения Ника по захвату его кишечных газов для последующего террора Натурщицы были отклонены. Но сама суть Энрико понравилась, — он посоветовал заточить в камень что-то для обороны, по типу запаха горящей серы или нюхательной соли.

Эксперименты показали, что запах можно развеять не только возле себя, его можно послать на расстояние до двадцати метров, только концентрация его будет совсем небольшой. При этом, облачко газа не вылетало из кольца, а сразу появлялось в нужном месте, а точнее воздух там мгновенно трансмутировал в искомый эфир.

— Нюхательный табак! — Воскликнул Ник, — Если это сработает, — твое кольцо бесценно!

— Я и не собираюсь его продавать, эти формулы мои по праву.

— Точно, табак! — Воодушевленно воскликнул синьор Веспуччи. Без пяти минут старик демонстрировал по истине

ребяческий задор.

Энрико принес из кабинета кисет и трубку, плотно забил ее табаком и раскурил, после чего выпустил в углу зала плотное белое облачко дыма.

— Целься в дым.

— У меня уже почти сил не осталось. — Лука направил кулак на тающее облачко и активировал кольцо.

Облако тут же разлетелось по сторонам будто лопнуло, появившийся в его середине аромат вытеснил собой тяжелый дым.

— Фантастика... — Ник и Энрико переглянулись.

— Вы думаете это...

— Да, чёрт возьми! Лучше, ты, ты — Ювелир! — Босс схватил юношу за плечи.

— Я не понимаю, синьор.

— Ты создал оружие против Призрака, сынок! Это лишь первая твоя попытка? Сделай его сильнее, я знаю у тебя получится, и тогда королевский убийца с кольцом тумана проиграет твоему гению!

Алхимическая краска воняла тухлыми яйцами и железом. За это утро Лука уже нанюхался отвратительных вещей пока собирал арсенал запахов в новое кольцо и нюх был притуплен, но сейчас даже отвернуться от смрада было нельзя.

Ник тщательно промазал каждую прядь каштановых во-

лос Луки этим черным киселем и натянул на голову плёнку, судя по виду – сырую требуху, желудок или брюшину.

Голова чесалась так, что истязаемый косметическими процедурами юноша колотил ногами и подпрыгивал на стуле. Состав мог надолго окрасить пальцы и лоб поэтому Ник методично пресекал попытки унять зуд.

— Это скоро кончится, потерпи. Всего-то масть тебе сменим, вон, Мари перекрашивается чуть ли не чаще чем парфюм меняет.

Лука поднес ладонь к лицу и жестом, будто выбрасывает жменю песка, активировал кольцо эфира. Синие пятна радужного опала слегка засветились и по комнате развеялся насыщенный аромат лаванды и цитруса – духи из коллекции Мари, один из первых запечатанных запахов. Вонь краски отступила.

В комнату вошла Мари, теперь угольно черные волосы были уложены в пышную прическу, она держала в руках два платя.

— Я никак не могу выбрать... Эй, кто стащил мои духи!?

— Влезай в то, что давно вышло из моды, — оборвал её Ник, — и обязательно размолюйся самым вульгарным образом, ты должна убедительно сыграть файденку.

— Между прочим файденки утонченные и стильные!

— Угу, только вы будете играть для лаврийской публики, а значит должны соответствовать местным представлениям о дорогих соседях.

— В эту карикатуру никто не поверит, Лоб.

— Ну если кто-нибудь засомневается что ты файденка, — начини говорить что лучше родного отца в постели может быть только брат...

— Ой ну тебя. — Девушка закатила глаза и выскочила за дверь.

— Только про акцент не забудь! — Крикнул он вслед.

Спустя вечность и миллион попыток почесать макушку Ник, наконец, смыл состав холодной водой и дал обтереться. Лука посмотрел на результат в маленькое зеркальце и опустив уголки губ одобрительно покачал головой.

— Ник, брови. — Подметил вошедший в зал Энрико.

— Ай, чуть не забыл. — Пыточник нанёс краску широкими мазками над глазами Луки, юноша издал мучительный стон.

— Через час вас заберёт карета, а как сказал бы месье Жан — экипаж. Вы прибудете к аукционному дому перед самым началом торгов, проведёте там не больше часа и та же карета отвезёт вас назад. Глазок будет у Оливера. Я надеюсь на тебя, Луче, у тебя получится.

Луку нарядили в богатый костюм глубоко винного цвета, рукава и оторочки были расшиты чёрной тесьмой. Слева под грудью, в складках ткани был спрятан специальный карман, туда ювелир положил новенькое кольцо эфира и, на всякий случай, кольцо эссенции.

Мари, против совета, надела элегантное тёмно-синее пла-

тье и лишь слегка подчеркнула глаза тенями. На хрупких плечах девушки поблескивала черная вуаль.

Олли Звонарь являл из себя образцового наемника — высокие сапоги, серая рубаха и плотная черная жилетка с обилием кармашков.

Энрико поднял руку над ними, будто давая благословение, и трое заговорщиков отправились в путь.

Экипаж ехал достаточно быстро и плавно, видимо какому-то инженеру наконец надоело биться внутри о борты при езде по мостовым, и он доработал конструкцию. Мари не могла усидеть на месте и была явно взволнована предстоящей выставкой, Олли перешептывался с Ником через глазок, Лука же уставился в окно.

Они ехали по палатину — одному из самых красивых районов столицы. За окном мелькали роскошные сады и фонтаны, похожие на маленькие дворцы дома синьоров и негочантов, ландшафт здесь был ровным так что богато одетые люди в свое удовольствие слонялись по улицам, не зная проклятых лестниц.

"Дом" синьора Висконти был архитектурным шедевром. Пятиэтажное здание больше походило на ратушу в центре богатой коммуны: обилие галерей и балконов, большинство окон в здании были витражными, между ними красовались барельефы античных сюжетов.

— Эти витражи меняют каждый год, вы знали? — С восторгом поделилась Мари.

Гувернант принял входную грамоту и пропустил троицу внутрь, одетые с иголки слуги проводили их на пятый этаж этого дворца. Лестница была просто облита золотом, стены же изрисованы различными фресками.

На верху их завели в просторный зал, все стены от пола до потолка были увешаны всевозможными картинами, тут и там стояли витрины с историческими артефактами.

Мари светилась от счастья, она жадно оглядывала каждый угол. Девушка вцепилась Луке в предплечье и тихо сказала:

— Если вырезать все эти полотна из рам и свернуть в один рулон, он будет толщиной с меня, а стоять... ох, если бы все эти стены были заложены лирами как мозаикой, они бы стояли меньше. — Мари под ручку провела не шибко разбирающегося в искусстве спутника вокруг кучек восторженных богачей.

Олли сунул руку в карман и сказал что покурит на балконе, похоже он получил от Ника сигнал доложить обстановку. Телохранитель отлип от своих господ и затерялся в толпе.

Возле столика с яствами и бокалами раздавал команды слугам высокий, натянутый как струна мужчина. Мари потянула Луку за предплечье и едва шевеля губами сказала:

— Это Лоренцо Висконти, обойдем его.

Как раз в этот момент он повернулся к паре и натянув улыбку подошёл.

— Приветствую дорогих гостей! С кем имею честь? — Он крепче тисков пожал Луке руку.

— Здравствуйте, синьор Лоренцо. Жан и Анна де Вержи.

— Ответил Лука, с характерным фийденским акцентом.

— Мадам Анна, — хозяин аукционного дома наклонился поцеловать ладонь и даже согбенный был выше Луки на пол головы, — месье Жан, у вашей супруги очень знакомое лицо, вы не посещали нас ранее?

— Определенно нет, мы приехали в Октавион впервые три недели назад чтобы посетить турнир.

— И вашу цитадель искусства, разумеется. — Добавила черноволосая Мари.

— Ох, синьор, она мечтала сюда попасть и, боюсь, без парочки полотен не выпустит меня из залы. Мон амур, как звали того художника?

— Формаджо, дорогой. Он истинный гений на зависть нашим изобразителям.

— Прошу простить, в этот раз купить его творения не получится, но не расстраивайтесь, его работы из моей коллекции выставлены в лазурном крыле, — Лоренцо указал рукой налево, — а также он заполнил третий зал в тематической галерее "Хроника величия", — аукционер повернулся в пол оборота и указал на проход стилизованный под античную арку.

— Благодарю, синьор... — Жан де Вержи склонил голову, а Анна присела в коротком реверансе, и молодая пара крашенных южан двинулась дальше.

Мари, задавая темп и направление, повела юношу через

весь выставочный зал ко входу в центральную галерею.

Пять комнат друг за другом образовали длинный сквозной коридор, оканчивающийся балконом. Дверей в проходах не было, но из-за их небольшой ширины можно было лишь немного увидеть следующие секции галереи. Зато балкон в самом конце был виден, и там, шагах в тридцати, потягивая трубку, на скамье сидел Оливер.

Они прошли через оформленный как древняя мраморная арка проём в первую комнату, посвященную ранней республике. Стену слева занимал барельеф, потрескавшийся за сотни лет, с редкими следами краски, — он изображал пастухов и виноделов. Справа от входа красовался гипсовый бюст без носа. На стенах висели перерисованные на полотна копии античных фресок: морское сражение в акватории, ожесточенная драка сенаторов, довольно многолюдная оргия, портрет первого императора Октавиана Августа в полный рост, и ещё одна картина от которой у Луки затряслись поджилки. Великий пожар.

Очень много огня.

— Потрясающе, ты только взгляни! — Мари подвела его ближе, — огонь как настоящий, а эта композиция! Задний план затянут дымом, но сквозь него проглядываются лодки и корабли в заливе, в середине горящие кварталы, тут даже искажение воздуха от жара передано...

Юноша не вглядывался вглубь перспективы, ему хватило переднего плана. Лица людей, отрезанных огнем от выхода.

Животный ужас перед свирепой стихией. Он хорошо знаком с огнём. Однажды в детстве он игрался со свечей, капая воск в миску с водой. Он так увлекся, разглядывая интересных форм кляксы, что не заметил как тонкая свечка догорела до самых пальцев. Спустя мгновение огонь уже был повсюду. Страх сковал слабое маленькое тело, сжал глотку. Тогда все обошлось, пожар потушили, а отец доходчиво и во всех красках рассказал, явно не готовому к таким подробностям малышу, чем опасно пламя.

— Пойдем дальше, эта картина действует мне на нервы.

— Боишься огня? Ты же вырос, делая свечи.

— Они, как правило, не горели в мастерской...

Следующая комната была на тему бесконечных войн прошлого. В огне, зерне и крови Октавиан перековал Лаурос в империю, чем обеспечил всем окружающим нескучную жизнь на несколько поколений.

Стены украшали щиты и копья, в углах стояли модели стенобитных орудий. Над проходом висел доспех преторианской гвардии, он, вероятно, до сих пор хранил на себе кровь сенаторов.

Мари указала на верх, — потолочная фреска изображала темную тучу летящих прямо в эту комнату стрел и горящих горшков. Несколько настоящих метательных снарядов были закреплены на потолке так, будто прорвались в реальный мир и застыли в воздухе.

— И тут не без огня, да что ж такое.

— Интересная задумка, поставить зрителя в эпицентр сражения, — это неожиданно. — Мари похоже напрочь забыла о миссии и просто наслаждалась.

— Вот этот горшок по закону подлости должен рухнуть кому-нибудь на голову.

— Если ты не полутысячелетий республиканец, бояться нечего.

Очередная комната была уставлена цветами, по стенам вились лавровые ветви и виноградные лозы. Некоторые листья были сделаны из золотой фольги, среди настоящих виноградин в гроздьях непостижимым образом закреплены круглые самоцветы разных цветов. Союз рукотворного мастерства и буйство природных красок символизировал расцвет империи.

Стены слева и справа полностью занимали идеально отполированные зеркала без рамок, такие могли изготовить только в Риалте, а стоили они, несомненно, как половина дворца. Бесконечные отражения создали иллюзию, будто это помещение растянулось на многие километры цветущего сада.

— Прекрасная визуальная метафора! Бескрайние, плодородные земли от запада до востока.

— Почему зеркала только по сторонам? Нужно было установить ещё и спереди и за спиной. Тогда бы пространство стало по-настоящему безграничным.

— Ты не понял авторской задумки, мон амур, а точнее подтекста. Бесконечность впереди означала бы светлое, ве-

ликое будущее. А никакого будущего у империи не было...
— Они прошли в следующую комнату.

Плитка на полу была разбита, но некоторые трещины заделаны золотом. Блестящая паутинка расползалась по всей комнате, изогнувшись, переходила на стены, а затем и на потолок. Будто разбитый, а затем склеенный по кусочку сосуд, эта секция повествовала о крахе Лауроса и частичном воссоединении его обломков.

— Ну тут я знаю больше тебя, — Лука решил отыгаться и тоже блеснуть, подводя спутницу к портретам на стене, — Стефан Скоппио, первый носитель кольца молнии, а это Антонио...

— Постой, и всё? Ты же главный поклонник магических колец! Давай рассказывай, торги ещё не начались.

— Ну ладно, Олли еще не докурил... После распада империи Лаурос коммуны начали войну друг с другом. За шестнадцать лет междоусобиц Октавион разграбляли трижды. На юге уже оформился Файден и собирал силы чтобы поочередно смять грызущиеся между собой регионы. Но среди хаоса и разрухи возник гений. Тогда ещё никому неизвестный ювелир создал кольцо, подчинившее молнию. Сила, до того доступная только верховному богу Громовержцу, теперь была в руках у людей. По сути, Тициан тогда в одиночку решил судьбу этих земель, он поддержал западного синьора по фамилии Вератто и отдал ему грозное оружие. Вскоре мастер создал и другие кольца, — Лука указывал на висящие в ряд

портреты, — кольцо огня досталось Антонио Фуго, а этот пухлощекий блондин — Пьетро Монтискьерро, носитель ныне утраченного кольца льда.

— Эту историю я знаю! Лет восемьдесят назад этот род пошёл против короны и был уничтожен вместе с их реликвией.

— Кольцо тумана было передано Данте Дезинкарнатто...

— По прозвищу Бесплотный. — Добавила Мари.

— Что, ещё и прозвища упоминать? Да, его род тоже прервался, но недавно... Лет восемь назад, если правильно помню.

— Говорят, что его последний потомок — Этерио, был замучен до смерти в дворцовой темнице, и дух его, слившись с туманом, приходит безлунными ночами чтобы отомстить.

— Легенда о Лаврийском Призраке, вероятно, правдива. Только это никакой не мстительный дух синьора Дезинкарнатто, а вполне живой носитель с его кольцом. — Лука присмотрелся к последней картине, на ней было изображено красное закатное небо и только маленькое пятно среди пушистых облаков отдалённо походило на человека.

— Темпеста Аури, первая носительница кольца ветра, — сказала Мари за него, — по прозвищу Летняя Буря. Самая крутая синьора в истории.

Последнюю комнату они посетить не успели, с балкона вернулся Олли.

— Поменяйтесь выражениями лиц, мать вашу, — тихо

шикнул он на пару липовых аристократов, — скоро начнут аукцион, Босс дал добро поторговаться.

В главном зале началась суматоха, Олли выглянул в проход и мгновенно изменился в лице.

— Чтоб мне днище сорвало... Так, южане, ведём себя тихо и не отвязываем.

Только войдя в зал молодой красавец Аллонсо Фуго произвел фурор. Кто познатнее — лезли к внуку канцлера с рукопожатиями, жидкокровые ценители искусства склонили головы, женщины улыбались и перешептывались.

Лоренцо Висконти, возвышаясь над головами толпы ловко обогнул всех и прилип к юноше, лишь немного уступавшему ему в росте.

— Синьор Аллонсо, хочу лично поздравить вас с победой на турнире, ваш подарок уже ждёт вашего внимания.

— Благодарю, Лоренцо, дед просил передать вам глубочайшие сожаления...

Коллекционер принял страдальческий вид, будто его ткнули в саднеющую рану, и благодарственно покачал головой.

— Спасибо, спасибо за причастность, скажите, как поживает сам синьор Альфонсо? — Теперь уже на лице юноши промелькнула скорбь.

— Служба отнимает много сил, но он ещё крепок здоровьем.

— Дай Спаситель ему ещё сто лет жизни! Я приготовил

скромный подарок и для нашего бесценного канцлера...

— Да, да, благодарю, я не опоздал на торги? — Фуго неловко сменил болезненную тему.

— Мы не могли начать без вас, синьор. Желаете осмотреть экспонаты?

— Мне бы очень хотелось, но государственным заботам, похоже, нет числа.

— Понимаю, ваши годы — платина, не смею задерживать. — Лоренцо хлопнул в ладоши и слуги завились как рой пчел.

В краткий миг всю залу заполнили стройными рядами скамей с проходом посередине. Весь первый ряд занял Аллонсо со своей свитой и охраной, прямо за его широкими плечами сели четверо гвардейцев. Остальные гости в порядке убывания знатности образовали плавный градиент от рубиновой околоролевской крови, до слегка подкрашенной прозрачной жидкости в венах последних рядов.

Оливер настоял чтобы пара файденцев, несмотря на гордость, умастилась скраюшку в дальнем углу предпоследней скамьи.

Лоренцо поприветствовал собравшихся, прочитал короткую речь, в которой упомянул что этот аукцион посвящается безвременно ушедшей жене, и, смахивая подступившие слёзы, объявил о начале торгов. Слово взял представитель в черепаховых очках.

Начали, по традиции, с работ новичков. Ведущий так быстро тараторил, что Лука успевал уловить лишь одно сло-

во из десяти. Мари, судя по сосредоточенному лицу, могла воспринимать эту трель как обычную речь.

Картины сменялись как в калейдоскопе, а ювелиру, привыкшему к неспешной кропотливой работе, только и оставалось удивляться как у этих ушлых покупателей хватает сноровки успеть хотя бы разглядеть что там нарисовано.

— Ну, что думаешь? — Тихо спросил он у Мари.

— Мелочевка, её гребут не глядя, потом разберутся. Главное скупить как можно больше картин одного автора, а потом состряпать таинственную историю, мол, это дьявол вложил кисть ему в руку, сам он не помнит как писал эту картину, и прочую чушь.

— Ловко. А по нашему интересу?

— Раз двор представляет увенчанный триумфом юнец, внук прославленного генерала и будущий носитель кольца огня, он выберет что-то батального жанра. С другой стороны, чтобы щегольнуть своей "глубокой" натурой, он может взять и что-то более прогрессивное.

— А религиозная тема? — Предположил Лука, сбитый с толку тем, что ни на одной картине здесь ещё не встретил классических для Лаврилии сюжетов.

— Кстати очень может быть, если корона вообще планирует мириться с духовенством...

Полотна дебютантов были распроданы за считанные минуты, зал разразился аплодисментами. Ведущий жеманно поправил очки и уступил слово сеньору Лоренцо.

— Signore e signori, беру на себя сизифов труд представить того, кто в представлениях не нуждается. Заключительная работа Формаджо из серии великих сражений древности — "Битва при Чёрном Утёсе".

— Сукин сын, а нам сказал что он не продается. — Шепотом возмутилась Мари.

— Нет, он сказал что купить его "не получится". — Поправил Лука.

Слуги вынесли огромную картину действительно изображающую масштабную сцену битвы. Мари с восторгом смотрела через откуда-то взявшийся монокуляр и чуть ли не лопалась от переживаний.

Торги начались с карикатурно огромной суммы, которая через несколько секунд увеличилась втрое.

— Наш придворный что-то смирно сидит, даже не участвовал. — Шепнул Лука.

— Выделяется, сопляк, и никого из дебютантов не поддержал... На кой чёрт тогда пришел, спрашивается?

Лоренцо стукнул молоточком. Полотно было продано за такую сумму, какую нищенский рассудок Луки проигнорировал чтобы не травмироваться.

Следующим лотом шла великолепная скульптура. Работа с камнем была ювелиру куда ближе живописи и теперь пришёл черед ему восторгаться и сыпать комплименты мастерству творца.

— Очередной кусок дерьма от Луиджи... — Равнодушно

пробубнила Мари.

— Чего? Эта скульптура прекрасна!

— Она механически идеальна, бесспорно, но старик Луиджи уже тридцать лет выдалбливает одно и то же. Про его поделки говорят, что он выбирает глыбу из тысяч таких же и делает её менее уникальной.

— Я сдаюсь. — Развел руками Лука.

Аллонсо Фуго сидел как на поминках. Ни батальная сцена, ни безвкусное изваяние, ни пол десятка последующих картин всевозможных сюжетов не поразили его настолько, чтобы поднять руку и побороться за них. Лука так пристально следил за ним с последних рядов, что прослушал представление следующей картины от Лоренцо. Он уловил только название, выдернувшее его из раздумий.

"Пьета".

Богоматерь, плачущая над телом Спасителя. Лука видел эту сцену бессчётное количество раз, но в этой картине было что-то... Точное.

— Что ты чувствуешь, смотря на неё? — Спросила Мари, отрывая монокуляр от глаза.

— Скорбь. — Не задумываясь ответил юноша, понемногу начавший понимать силу живописи.

Лоренцо, промокнув слёзы платком, начал торги с тридцати тысяч, и сам поднял руку. Вслед за ним, наконец, включился Аллонсо. Мари среагировала мгновенно и тоже подняла руку.

— Сорок три тысячи, мадам Де Вержи, кто предложит сорок пять? — Аллонсо привстал и обернулся посмотреть на конкурентку с задних рядов. Мари хищно улыбнулась, а Фуго кивнул и, только начав поворачиваться обратно, резко посмотрел в её сторону, щуря глаза.

В следующем круге Оливер вцепился в предплечье де-вушки и насильно удержал. Анна Де Вержи выбыла из игры. В итоге за Пьету торговались только двое — сам хозяин аукциона и представитель двора Аллонсо Фуго.

— То, что Висконти нарушил протокол и сам торгуется — понятно, он недавно похоронил жену и, видно, очарован мотивом великой утраты. Все присутствующие это поняли и вышли из торгов, но зачем она сдалась пацану? — Тихо рассуждала специалистка по искусству и людским душам.

Лоренцо с явным раздражением стукнул по дощечке, признавая свое поражение. Ещё несколько картин ушли с молотка, Фуго за них не торговался, только уже не сидел спокойно — крутился и шептался со своими слугами.

Аукцион завершился и все повставали с мест. Слуги уже вносили столики и подносы с закусками, на обратном пути захватывая лавки. Хозяин выставки о чем-то говорил с Аллонсо.

— Теперь работа за мной, у Пьеты отличная, широкая рама, туда не то что кольцо, — бочка масла поместится... — Шепнула она на ухо Луке и незаметно протянула руку Оливеру. Тот сунул руку в карман за порталным кольцом, но

достать его не успел.

Сквозь толпу к ним шли гвардейцы. Олли дважды щёлкнул пальцами в кармане, — "опасность".

— Синьор, ээ, месье Де Вержи, не сочтите за грубость, вас просят на личный разговор. — Сказал пернатый и указал назад.

— Ах, синьор Аллонсо решил уступить нам лот? — Невинным обертоном пропела "мадам Анна", сжимая руку Луки тисками.

— Вас троих. — Добавил гвардеец, уставившись на Оливера.

— На что вам сдался этот наёмник? — Бросил Лука, запуская правую руку в скрытый карман с кольцом эфира, — личные разговоры в присутствии авантюрьера не ведут!

Пернатый обернулся и там, неподалеку, над мельтешащими богачами возвышались две головы — Аллонсо и Лоренцо. Фуго кивнул.

— Месье Жан, прикажите своему "авантюрьеру" закатать рукава.

— Не командуйте моим мужем! — Возмутилась Мари, — хотите отдать приказ этому громиле, тогда заплатите ему и хоть ртом ублажать заставьте, а с нами в таком тоне говорить не смейте!

Гвардейцы плавно опустили руки на рукояти рапир, пушистые белые перья встрепенулись. Толпа вокруг притихла и с интересом уставилась на эту сцену.

Оливер медленно расстегнул манжет правого рукава и за-сучил до локтя. До того как стражник рассмотрел на пред-плечье множество ожогов от свечного воска, кулак Олли Звонаря впечатался ему в нос. Он упал на спину и задрывал ногами.

Лука махнул рукой наотмашь, отталкивая Мари назад и распыляя кольцом эфира вонь горячей серы в убойной кон-центрации. Троица в два прыжка заскочила за мраморную арку, — в историческую галерею.

Стражник, вдохнувший в этот момент, проблевался на месте, два других, кашляя и задыхаясь, оттащили его назад. Получивший в нос лежал не двигаясь. Меценаты и коллек-ционеры разбежались по сторонам, зажимая носы.

— Того кто сунется мы отравим летучим ядом! Кому по-везет его не вдохнуть — просто ослепнет и потеряет рассудок! Он уже распылен у прохода, дайте нам уйти, иначе смертель-ный миазм заполнит все помещение! — Надрывно кричал Оливер из-за укрытия.

— У вас нет заложников, чтобы выдвигать требования, убийцы! — Не поддался синьор Аллонсо.

— Вы все заложники! — Крикнул Лука и на мгновение высунул руку, активировав кольцо с опалом.

Чем дальше посылаешь запах, тем меньше область и сла-бее концентрация. На расстоянии в пятнадцать метров за-пах появился в одной точке размером с кулак. Спустя се-кунду один из толпы учуял вонь и зажимая лицо ломанулся

прочь, развеивая слабый, но пугающий запах. За ним в дверной проем резко захотели протиснуться все присутствующие разом. Остались только пять гвардейцев, хозяин выставки и Аллонсо Фуго.

— Воняй сколько хочешь, бандит, мое пламя отбросит миазм обратно!

Лоренцо в ужасе подпрыгнул. Лука, супротив здравому смыслу, украдкой выглянул.

Фуго выставил руку, несущую великое кольцо, и дал волю огню. Красная вспышка, золотая искорка.

Вырвавшийся из заточения в камне свирепый вихрь ударил вперёд и прошил всю галерею насквозь. Олли прижался к левой стене, его подопечные отпрыгнули к правой.

От рева заложило уши, жар заставил зажмурить в миг высохшие глаза, лёгкую накидку Мари сорвало с плеч потоком раскаленного воздуха и затянуло в оранжевый смерч, мгновенно испепелив. Луке уже раз не повезло столкнулся с кольцом Тициана, но молнию он толком не успел испугаться, а этот inferнальный поток, казалось, будет исторгаться целую вечность.

Лоренцо выскочил из ниоткуда, схватив синьора за руку. Аллонсо успел остановить пламя и лишь слегка припалил ему одежду.

— Вы с ума сошли!? — Завопил он, становясь грудью на защиту своего имущества.

Деревянные скамьи аж на балконе превратились в горя-

щие угли. Вся зелень вокруг прохода в третьей комнате была сожжена.

— Немедленно прекратите! Вы понимаете где находитесь!? В дворце из бумаги, масла и дерева! Если хоть на одной картине вздуется краска...

Фуго прыснул огнём из ладони. Маленький всполох перед лицом Висконти призванный напугать.

Благодаря тренировкам с Винсентом он уже не боялся своей силы, мог контролировать стихию и даже заставить не свое, разгоревшееся самостоятельно, пламя погаснуть. Если и случится небольшой пожар, он вмиг его покорит. Но простому человеку этого не объяснишь, проще показать.

Аукционер отпрянул от вспышки и юноша ловким движением обогнул его и подтолкнул в плечо назад, в руки гвардейцам.

— Уведите его. — Твёрдо скомандовал страже, пернатые относительно мягко поволокли всхлипывающего Лоренцо, — именем моего деда клянусь вам, синьор, ваше имущество не пострадает.

Хозяин упирался длиннющими ногами и страже пришлось зажать их в подмышки и нести орущего проклятия Лоренцо к выходу как таран к воротам.

Ещё одна красная лента пролетела их укрытие насквозь. Лука сполз вдоль стены и сел, смотря в никуда, он тяжело дышал и обливался потом, левую руку сунул в кармашек и

надел кольцо эссенции, — на случай если срочно понадобится капелька яда.

Мари надела свое кольцо с подковой, взяла в руку увесистый гипсовый бюст и замахнулась. Выскочив из укрытия, она активировала фокусирующее силу кольцо и швырнула безносую голову в Аллонсо. Точно выпущенный из требушета, снаряд пролетел над головой пригнувшегося Фуго и разбился в пыль об косяк входной двери.

— В конце галереи балкон, куда он выходит? — Спросила Мари у Оливера.

— Прыгать высоко, но можно перемахнуть на соседнюю крышу если выдержит.

— Корда!

— Ник закрыл глазок...

— Трусливый ублюдок! Значит будем быстро перебегать по диагонали из комнаты в комнату, их всего пять и балкон. Шесть дверных проемов.

— Он спалит нас как только высунемся! Эй, что с тобой? — Крикнул Олли младшему брату.

Лука сидел, вцепившись пальцами в штанины на коленях и покачивался, его плечи быстро подпрыгивали в такт хриплому дыханию. Полотно изображающее Великий Пожар висело прямо напротив него. Огонь в раме ожил, люди бежали. Треск и душераздирающий крик. Лука тупо упёрся глазами в это окно с ужасным видом.

— Дьявол, эй, не впадай в панику! — Мари присела пе-

ред ним, закрыв собой ожившее изображение и потормошила его, — Луче, слышишь меня? Успокойся, мы сейчас выберемся.

В мыслях творился полный хаос. Вот она смерть, он чувствовал её жар спиной даже через толстую стену. Сунешься — труп. Он боялся огня, сильно боялся. Хорошо представлял что пламя делает с телом. От жара вскипают и лопаются глаза. Огонь пожирает воздух. Задохнешься. Нечем дышать.

Красная вспышка, искра, смерть.

Мари погладила юнца по голове и нежно взяв за плечи начала раскачивать вправо—влево.

— Вот так, вот, просыпайся дурак, мы сейчас уйдём все вместе...

В комнату ворвался огонь.

— Или обуглимся до костей! — Очень вовремя подметил Олли.

Фуго осторожно активировал кольцо, рубин мигнул и искра между золотыми рожками над камнем запалила маленький огонёк. Вдох—выдох. Он плавно разжал кулак стараясь не упустить язычок пламени. Самое время быть твердым, но не резким. Огонёк превратился в змейку и удлиняясь и расширяясь обвил пальцы и ладонь. Жестом подражающим распутившемуся цветку он вскинул руку. Над ладонью повис огненный шар.

Аллонсо двинулся вперёд. Пятнадцать шагов.

Лука начал приходить в себя, он проморгался и посмотрел

на Мари, а не сквозь неё.

— Вот, молодец, сложи руки вот так, приложи к лицу и дыши.

Олли высунул полированный стилет за угол и еле отскочил от огненного шара, влетевшего в галерею. Вращающийся шар адского пламени изменил траекторию и по дуге полетел в Оливера. Тот кувырком нырнул под него и сгусток ударил в стену, взорвавшись красными языками.

Десять шагов. *Fiamma Zenit* снова зажглось.

— Бежим!

— Стой. — Твердо сказал Лука сквозь ладони.

Он уже пришел в себя, дышал по-прежнему тяжело, воздуха не хватало, но это и было спасением. Поток тысяч прыгающих друг через друга мыслей миновал, оставив только одну.

Прижимая ладони к лицу Лука выдохнул до самого конца, и когда в груди, казалось, кончился воздух, насильно выдавил из лёгких остаток. Сжал кулак. Кольцо эфира блеснуло — последний выдох заточён в камень. Ювелир рывком поднялся и дал краткие указания.

Пять шагов. Аллонсо остановился, стражники по обе стороны за ним подошли ближе. Только он открыл рот чтобы дать преступникам последний шанс сдаться, из комнаты кто-то высунулся. Аллонсо атаковал мгновенно. Огненный шар с такого близкого расстояния испепелил угол портрета первого императора.

Лука отбросил горящую приманку и выскочил навстречу Фуго, вскинув правую руку. Он не ожидал что противник будет так близко и на мгновение опешил.

Время будто замерло.

Два юнца, два носителя направляют кольца друг против друга. Одно исторгает пламя ада, другое всего лишь его вонь.

Лука оказался быстрее. Он на бегу разжал кулак. На таком расстоянии концентрация будет максимальной, на это он и поставил всё. Зелёные пятна опала заблестели. Спертый воздух окутал кулак противника.

Фуго активировал кольцо огня, рубин вспыхнул красным. Но пламя не зажглось. Огню нужен воздух чтобы гореть, сын свечкаря знал это.

Лука вцепился в его кисть и нырнул под левую руку. Прямо за ним бежала Мари.

Щуплый кулачок этой девушки пронёсся над горбом пригнувшегося Луки и с отвратительным треском впечатался юному синьору в челюсть.

Усиленный магией удар опрокинул крепкого Аллонсо на спину, будто выбил из седла. Лука стащил с обмякшей руки кольцо огня и тут же надел на палец.

— Разошлись, а то сожгу до тла! — Заорал он на гвардейцев, размахивая кулаком. Он пустил импульс силы в металл, но кольцо никак не отреагировало.

Мари дернула Луку за руку и они рванули назад. За мгновения проскочили все выставочные залы галереи и выбежа-

ли на балкон, где уже дымно горели обломки лавок. Оливер на бегу смел их ногой сквозь кованые прутья перил, и столпившаяся под балконом стража разбежалась в стороны.

Но прыгать они и не собирались, один за другим они быстро перемахнули на крышу дома слева. Мари бежала первой, ловко и быстро как кошка, на ходу отрывая кусок платья и повязывая на голову. Сразу за ней Лука, спотыкаясь и выбивая черепицу из-под ног. Олли Звонарь, самый крупный из троих двигался быстро и осторожно, грамотно распределяя вес.

Конечно, их было прекрасно видно, пернатые там, внизу, уже поравнялись с ними. У нескольких были арбалеты, но никто не стрелял.

— Долго ещё? — На ходу спросил Лука, хватая ртом воздух.

— Нет, корда близко. — Послышался сзади голос брата.

Мари резко набрала скорость и сиганула с крыши. Робкое сердце ювелира сжалось в изюминку.

— Прыгай! — Крикнул Олли.

Лука никогда не был храбрецом. Ещё бы, откуда ему? Детство в работе под присмотром монахов, юность в учебе под надзором мастеров. Он не дрался, не был в армии, даже в словесных перепалках участвовал раз—два. Множество вещей пугали его до смерти и ему не было шанса научиться преступать свои страхи. Лишиться пальцев, заболеть чумой, ослепнуть, попасть в тюрьму, упасть под лошадь, сгореть в

пожаре или утонуть. Но вот высоты он не боялся. Просто-напросто до этого момента не представлялось возможности её как следует испугаться.

Он прыгнул и страх высоты родился уже в падении. Все нутро перевернулось и подступило к горлу, но странное ощущение в животе тут же сменилось болью в коленях и ладонях. Сам не понял как, он приземлился на плоскую крышу—террасу. Мари помогла подняться с четверенок и поправила свой импровизированный капюшон. Следом спрыгнул и Олли.

Задумываться о боли и пережитом падении было некогда, Мари опрокинула стоящий в углу горшок с цветком и достала из-под него крюк на веревке. Зацепив его за парпет, она сбросила воровскую корду вниз и перемахнула следом. Хоть было уже не так высоко, новообретенный страх удесятирил расстояние до земли в глазах юноши. Вцепившись в грубую верёвку он неуклюже полз вниз и чтобы отвлечься, каждый раз когда правая рука оказывалась перед лицом он рассматривал кольцо огня. Золотая печатка, рубин, формула из редкого серебра...

Ноги коснулись земли и тут же обмякли. Он уже еле держался. Брат ловко спустился и они вновь побежали. Сзади доносился топот сапог по мостовой.

Лука бежал как мог, не думая о дороге. Просто следовал за Мари и все. Он без раздумий прыгнул за ней с крыши, что может случиться на твердой земле? Поворот налево, поворот

направо, вверх по лестнице, снова налево, не своди глаз с узла ткани на её затылке и беги, но он то и дело оглядывался, за что получал тычок от брата.

На очередном прямом отрезке узкой улочки он коротко оглянулся и за плечами Оливера увидел выбегающих из-за угла гвардейцев. Повернул голову обратно и не увидел перед собой Мари.

Остановиться сразу не вышло – вымотанное тело по инерции сделало ещё два широких шага.

Крепкие руки брата тут же схватили его за шкуру, дёрнули назад и втолкнули в узенький проулок.

"Что за звук? "

Повезло что Оливер лучше всех знал о топографическом кретинизме младшего и был на чеку.

Олли сделал шаг в проулок и завалился вперёд, на брата, оперевшись руками в стены по обеим сторонам.

В его шее навывлет торчал арбалетный болт. Он попытался что-то сказать, но изо рта вырвался лишь мокрый хрип. Испуганными, детскими глазами он посмотрел на Луку, нащупал рукой наконечник справа от кадыка и ухватился за него.

— Не трогай! — Крикнул Лука и обхватил руками шею, пальцами прижимая края ран к древку.

Оливер дёрнул. Одним рывком он вырвал древко из шеи. Из ран, сквозь пальцы Луки фонтаном хлынула кровь. Старший оттолкнул брата и вновь упёрся руками в стены, харкнул и сполз ниже, оставив на серой штукатурке красные полосы.

Лука уже ничего не соображал, ничего не видел сквозь пелену слёз, едва дышал от спазма сковавшего глотку. Совершенно беспомощный он бы так и остался тут, растерянный, заблудившийся в прямом коридоре.

Мари схватила его за правую ладонь и резко дернула. У ювелиров нервы на пальцах будто оголены и Лука инстинктивно одёрнул руку.

Кольца огня на ней не было.

Девушка рванула прочь и он, в моменте обретя способность двигаться, ринулся за ней.

Ворвавшийся в проулок пернатый с арбалетом увидел широкую спину мужчины что тратил последние мгновения жизни на то чтобы удержатъ руками стены, будто сжимающиеся как тиски.

Выскочив из переулкa Лука, гонимый яростью от предательства и злостью на самого себя, летел за воровкой едва касаясь ногами земли. На безлюдной улице он почти её догнал, как она сиганула в спокойно проезжающую мимо крытую повозку, и развернувшись, подала ему руку. Лука схватил её и эта хрупкая шельма, истратив последний заряд своего кольца, рывком затянула его внутрь как мешок пуха.

Извозчик обернулся и только начал протестовать как Мари приставила к его загривку невесть откуда взявшийся нож.

— Ты едешь в субурру, восточными воротами, — процедила она леденящим душу тоном и, развернувшись, коснулась остриём кадыка Луки, — а ты, невротик траханый, если

ещё раз впадешь в ступор, лучше из него не выходи.

Она вложила ему в ладонь кольцо Аллонсо. Лука посмотрел на красный рубин, перемазанные кровью брата руки. И разревелся.

Глава 4. Отшельник и лжец.

— Матерь Божья! Что там произошло? — Энрико уже и не надеялся встретить своих людей вновь.

— Фуго докопался до Оливера и напал, — начала Мари, следом в зал ввалился Лука, он опустил голову так что подбородок касался груди и всхлипывал, — Звонарь мертв, хвоста за нами не было.

— Преисподняя! Какого чёрта он сдался пацану? Нет—нет, это не спроста. Они знают...

— Спасибо что помог, Ник! — Голос Мари сорвался, здорвяк поморщился как от укола.

— Я приказал закрыть глазок, — заступился Босс, — все пошло под откос, Олли хотели схватить и обыскать, Ник защитил наше главное оружие.

— Вот наше главное оружие. — Девушка схватила Луку за запястье и вытянула его руку вперёд. На ней красовался бесценный окровавленный трофей.

У синьора Веспуччи глаза полезли из орбит.

— Вы... Что вы сделали с Аллонсо?

— Он обезвредил его кольцо на секунду, а я дала по зубам со всего маху. От такого обычно умирают, тем более что затылком об пол приложился, но точно не скажу, мы сразу сбежали.

— Как погиб Оливер? — Встрял Ник.

— Застрелили в переулке пока мы сматывались.

— Так-так, спокойно! Лучше, иди сюда, — юноша молча подошёл, — прости меня, я не игнорирую трагедию, я просто ставлю в приоритет выживание. Покажи мне кольцо.

Лука резко сорвал кольцо огня с пальца и со злостью впечатал в ладонь Энрико.

— Оно не работает. — Прощедил сквозь зубы ювелир.

Босс надел его на палец и сжал кулак. Опрометчиво было пытаться использовать его в тесном помещении, но ничего не произошло. Вообще ничего. Энрико передал его Нику и ему оно тоже не подчинилось.

— Мы слишком слабы для него? — Предположила Мари.

— Нет, дело не в этом. — Ответил Босс, забирая Fiamma Zenit у Ника.

— Я его сломал... — Сказал Лука дрожащим от горя и гнева голосом и подняв голову, посмотрел Энрико прямо в глаза.

— Так, Ник, веди его в комнату и дай успокоиться, я сейчас приду.

Лука бросился за угол, в коридор, забежал в комнату справа и припал к кровати. Следом зашёл Ник и закрыл дверь.

— Лучше, ты...

— Я знал что так будет! — Он врезал кулаком по матрасу, будто всадив в него кинжал, — сукин сын, впрудил меня в дерьмо по самую глотку и бросил!

Щуплый юноша дубасил кровать и кричал проклятия. Его совершенно не волновало что два кольца, с бриллиантом и опалом, могут испортиться от ударов. Ничего уже не имело значения — его видели, найдут, схватят и повесят.

Дверь со скрипом открылась, Ник, поняв свою бесполезность, уступил дорогу намного более словесно подкованному человеку и вышел.

Синьор Веспуччи сел на другую кровать, сложил руки и наклонился к страждущему.

— С самого детства, Луче, смерть издевалась надо мной. Я потерял вообще всех и многие умерли по моей вине. Я никогда не верил в бога, в рай и ад, успокоить себя этими "выдумками" мне было недозволенно. Всем этим призракам некуда было уйти и они жили в моей голове. Я мучался от них всю жизнь пока полгода назад случай, судьба, или сам Спаситель не свёл меня с безумным стариком. Он дал мне это проклятое кольцо, он умалил меня его забрать, — Лука повернулся к нему и утер красное лицо, Энрико поднял левую руку, демонстрируя черный палец и дьявольское украшение, — теперь я ношу на руке доказательство своей глупости. И эта ноша невообразимо легче прежней.

— Оливер там, со всеми? — Лука шмыгнул носом.

— Да, сынок, и мы там будем, теперь я это точно знаю. Ты огромный молодец, Мари сказала как ты выступил против Фуго. Ты спас ей жизнь, спас жизнь брату...

— На пять минут! На пять гребаных минут! А потом его

убили из-за моей тупости! Если бы я не крутил пустой башкой он бы успел забежать... — Лука откинулся назад, ударившись затылком о стену.

— Он бы простил тебе это.

— А я вот не уверен!

— Тогда давай спросим у него, — Энрико сжал левый кулак, блик на Чёрном кольце вселил в юношу ужас.

— Нет, не надо, прошу, не тревожьте его.

— Давай так, все люди на свете как-то справлялись, справляются и будут справляться с горем утраты. У тебя есть редкая возможность сделать это проще. Если тебе станет совсем неважно — только скажи и мы пойдём на преступление против самого Бога.

— Хватит с меня преступлений, я хочу уйти.

— И бросить это? — Энрико достал из кармана кольцо огня, — послушай меня, Луче, легко и безопасно не будет никогда, это тебе нужно стать крепким и выносливым. Чтобы жизнь была, но не причиняла вреда.

Юноша открыл рот для ответа, но главарь не дал ему сказать.

— Ты уже стал смелее и твёрже, но я вижу для тебя и другой путь, Луче. Не хочу тебя перехвалить, но ты исключительно талантлив. Если кому-то и под силу разгадать секрет колец Тициана, так это тебе. — Энрико вложил золотую печатку в саднеющие от ударов ладони Луки.

— Что мне с ним делать?

— Повторить. Если не удастся починить, конечно. Разложи его на крупички, расплавь, делай что хочешь, но удовлетвори свою жажду познания.

— А если...

— Если не получится — мы оставим врага без опасного оружия. Тоже не плохо, согласишься?

Горячее зелье, которое синьор Веспуччи дал Луке, срубило его наповал. Он погрузился в беспамятство и проспал невесть сколько. Пробуждение было тяжелым, он ощущал тотальное истощение, но был относительно спокоен. Похоже, на тревогу просто не осталось сил.

О работе в таком состоянии не могло быть и речи, но у него была другая задача — разрушать, а не творить. Он натянул чистую одежду, оставленную для него на другой кровати, взял с тумбы кольцо огня и вышел в зал.

— Возьми лепешку. — Сидящий за столом Ник протянул ему хлеб с какой-то начинкой.

— Мне подташнивает, просто воды, — здоровяк наполнил кубок из графина, Лука осушил его одним махом, — я пойду и запрусь в мастерской, забудьте обо мне на время.

К несчастью, замка на двери не оказалось. Лука сел за рабочее место и стал через линзу рассматривать кольцо огня. Массивная золотая печатка, прямоугольный рубин, над которым выступали два золотых усика, на внешней стороне во-

семь крупных рун стилизованных под языки пламени.

Ювелир надел великое творение древнего мастера на указательный палец, сунул руку в остывшую печь и активировал. Он почувствовал что посланный в кольцо импульс магии будто врезался в стену. Ничего не произошло.

Юноша грязно выругался. Сперва он решил что сломал его, помешав загореться искре, но теперь понял что это здесь не причем. Руны целы, рубин заряжен, да и воздуха вокруг предостаточно. Оно просто не поддается, некий механизм, о существовании которого недоучка не знал, ограничивал поток.

Лука вернулся за стол, зарисовал формулу на бумаге, измерил и записал толщину и диаметр перстня, затем осторожно открепил рубин и отложил его в футляр. Взвесил кольцо без камня и записал в другую колонку.

В лавке стеклодува легко отыскалась подходящая мерная ёмкость — прозрачная цилиндрическая мензурка, он приложил к ней линейку и наполнил водой наполовину. Опустив в воду печатку он выяснил её объём.

Наставник Жакомо заставлял всех учеников повторять перед сном таблицу плотности драгоценных металлов и его не волновало что листок с этими значениями был у каждого ювелира. Должны знать наизусть и всё тут. Как же Лука был ему сейчас благодарен.

"Выпрями спину" пронеслось в голове хором голосов: отца, монахов, наставника, а теперь ещё и Олли. Лука свёл ло-

патки и проглотил ком.

Нужно работать. Работать и как можно дольше не задумываться.

Расчёт был элементарным — дели массу на объём и получишь плотность, однако юноша застрял тут на долго. Ни один ответ не сходился, такой плотности нет ни у одного золотого сплава. Либо Тициан сделал его из куска неизвестного металла, упавшего с неба, либо...

— Внутри что-то есть! — Пришло резкое осознание.

Следующий час он размышлял как лучше его распилить. Расчёты показывали что оно слишком лёгкое для своего объёма, а значит внутри есть пустоты или другой металл. Нужен был наилучший способ заглянуть внутрь кольца, не превратив его в золотое месиво.

Ответ нашелся, — Лука горизонтально закрепил широкий шлифовальный камень, смочил водой и плашмя приложил кольцо огня к грубой шероховатой плоскости.

Десять движений с лёгким нажимом стёрли в пыль тонкий слой металла.

"Бесценный артефакт Тициана, полтора века войн и могущества, будет стёрто в пыль... Мной?"

Спустя время он стесал примерно одну десятую его ширины, на открывшейся круглой грани проступили восемь серебристых точек. Ювелир капнул на них чернилами и отпечатал на бумаге, после чего измерил точную ширину и также занёс в колонку.

С каждым движением он все глубже заглядывал внутрь, точки уже превратились в пятна неровной формы, их приходилось зарисовывать от руки.

Он стёр кольцо уже на одну шестую и увидел на поверхности девятую точку. Не точку — полость, из которой высыпалась толика белой пыли. С каждым слоем эта полость расширялась, открывая вандалу древний секрет. В массиве из золота был спрятан маленький кристаллик кварца, обвитый другим металлом, также находящимся в толще золота.

— Потрясающе! Как будто серебряная жила, проросшая в скале...

Это заняло вечность. Лука спал всего пару часов между делом, пересохшие глаза горели огнём, а карандаш набил на пальцах неприятные мозоли.

Весь стол был завален листами, старыми письмами и клочками бумаги. Всего сто сорок рисунков послойно раскрывающих спрятанные в толще металла руны. Кипа бумаги, кучка серебряно-золотой пыли, кварцевая крошка и рубин, — все что осталось от великого "Пламенного Зенита".

Ювелир потер глаза и осмотрел зарисовки. Сформировать в голове объемный образ никак не получалось, слой за слоем эти руны разветвлялись все больше и больше, первый рисунок — восемь точек по кругу, двадцатый — восемь непонятных клякс, едва касающихся друг друга. Отпечаток номер семьдесят уже походил на непрерывную руническую формулу с пробелами на месте рубина и напротив, на месте кварца.

— Ну, как успехи? — Спросил вошедший Энрико. Следом за ним в комнату юркнула Мари.

— Кольцо огня уничтожено. Вернее оно теперь существует только как идея. — Лука указал на стол, он весь был застлан бумагой вдоль и поперек изрисованной вычурными кружочками.

— Это похоже на заметки сумасшедшего. — Подметила Мари, осторожно взяв один из листов.

— Да, это недалеко от правды, если я не посплю — точно двинусь.

— Сможешь создать копию? — Спросил Энрико, подобрал со стола рубин.

— Синьор, у меня в голове каша и глаза слипаются, и я не имею даже приблизительного представления как можно воссоздать это кольцо. Пока делал зарисовки перебрал варианты, но все они не подходят.

— Например?

Лука измученно выдохнул и начал перечислять:

— Внутри золотого кольца находилась сложная объемная формула из другого металла, вот посмотрите, — Лука взял листок с зарисовкой слоя номер восемьдесят четыре, — видите какие тонкие жилы, отлить это внутрь массива невозможно — образуются скопления воздуха, а никаких следов литников в кольце не было. Я попробую отлить из тугоплавкого металла внутреннюю часть, потом помещу в расплавленное золото, и если её не поведет от нагрева внутри заго-

товки, то я получу точную копию.

— Но есть проблема, не так ли?

— Да, большая проблема в маленьком кусочке кварца. Я не имею представления как Тициан поместил его внутрь. При всех возможных вариантах он должен раскрошиться от нагрева или приобрести характерный цвет. Тот камень что я выковырял из кольца однозначно не был в расплавленном золоте.

— Не хочу сказать глупость, Лучше, но от одного алхимика я знаю способ нанести золото на любую поверхность...

— Если вы имеете ввиду амальгамацию, это не сработает. Для такой позолоты используют ртуть – сверхактивный металл. После высыхания состава, ртуть испаряется не полностью, и даже первичный заряд улетучивается. Ювелиры не используют этот метод.

— Ладно, а создать копию без кварца ты можешь?

— Могу, но он же для чего-то нужен. Стабилизировать акцентуатор или подпитывать руны... Кстати руны, я никогда даже не слышал о таких. Все известные пишутся в плоскости, как буквы на бумаге, а эти – объемные, как скульптуры. Мне сложно даже собрать в голове цельный образ из этих слоев.

— Я такое уже видела!

Мужчины повернулись к Мари, держащей в руках "заметки сумасшедшего".

— Я была в мастерской у одного художника, разумеется,

тайно, но не суть, у него весь стол был завален маленькими одинаковыми рисунками цветка. Я сперва подумала что он пытается нарисовать его идеально или он чокнулся и рисует одно и тоже раз за разом, ну, их иногда так клинит. Но потом я увидела другие картинки – бутоны и несколько свежих набросков того же цветка, только увядающего...

— И? Какое отношение это имеет к рунам?

— Живые картинки! Через несколько недель он прославился своими маленькими альбомами. Если согнуть такую книжецу и быстро пролистать большим пальцем – рисунок задвигается, бутон распустится, цветок будет покачиваться на ветру и к последним страницам завянет.

— Мари, это чертовски умно. — Энрико указал на неё качающимся пальцем.

— Я не очень представляю что должен увидеть, но точно не против собрать этот бардак в один томик.

— Займёмся этим уже завтра, Лучше ты хорошо поработал. Кольца Тициана не могут повторить уже полтора века, с наскака эту загадку не разгрызть. Отдохни, а как проснешься – составь список всего что понадобится, пошлю Ника.

Сон отнял оставшиеся силы. В ночном кошмаре он умер вместо брата. Арбалетный болт пробил ему шею, потом ещё один угодил в затылок, третий с хрустом вошёл между лопаток. Лука не проснулся от ужасной боли и липкого страха, в этом спектакле сознания он был вынужден отыграть роль брата до конца.

Только спустя час после пробуждения он нашёл силы встать и позавтракать, после чего в мутном исступлении побрел в кабинет. Там за рабочим столом сидела Мари.

— Доброе утро, я тут прибралась пока ты спал, ну и вот...
— она протянула Луке альбомчик размером с пол ладони,
— аккуратно нарезала на квадраты, отцентровала все листы и скрепила строго по порядку.

Мари взяла книжецу левой рукой за корешок, а правой подсогнула и отпустила большой палец. Страницы зашуршали быстро перелистываясь, Лука чуть не ахнул от удивления — рисунок ожил, восемь точек по кругу разрослись узорами, превратились в отдельные руны, переплелись в ажурный извивающийся круг, что тут же распался и исчез.

— Это так... неожиданно.

— Да, а если начать с последней страницы, будет наоборот, смотри.

— Как будто время идёт вспять, Мари, это мне очень поможет, спасибо!

Девушка кивнула и смущённо отвела взгляд.

— Луче, ты прости меня, тогда... я растерялась и, в общем, сделала так, как привыкла. Всё, я пошла, не буду тебе мешать.

Он понимал. Он бы и сам себя бросил в том проулке. Скинуть обузу чтобы спастись — это, похоже, один из многочисленных уроков улиц. И в отличии от него, воровка давно его усвоила.

Лука снова и снова пролистывал страницы вперёд—назад, с каждым разом в уме все чётче вырисовывался целостный объемный образ. Воображение также важно для ювелира как руки и Лука, сосредоточившись, смог представить модель, покрутить её под разными углами, увидеть детали внутренним взором. Он взял тонкий резец как кисточку и принялся аккуратно вырезать из свечи восковую форму.

За работой часы незаметно прошли, пересохшие глаза и урчащий живот вернули юноше ощущение времени. Лука встал, размял поясницу, сгреб в одну кучу неудавшиеся образцы. Только с шестнадцатого раза у него получилась приемлемая заготовка. Он ещё несколько раз пролистал уже крайне потрёпанные и засаленные страницы "чертежа", подробно останавливаясь в некоторых местах чтобы сверить с восковой.

В целом форма передана точно, в любом случае после литья нужно будет доработать тонкие места и разветвления, да и придумать как потом размножить заготовку. "Отолью из олова, распилю в месте крепления камня и разогну, так будет проще сделать вторую отливку".

Размышления прервал вошедший хозяин кабинета.

— Как успехи? Мари похвасталась что тебе очень понравилась ее идея, покажешь? — Лука продемонстрировал альбом, который очень впечатлил немолодого мужчину.

— Это на бумаге, а вот, что вышло. — Ювелир с гордостью указал на тонко вырезанное восковое кольцо.

— Да оно уже достаточно красиво чтобы носить, напоминает переплетение лозы или корни какого-то растения.

— Насколько я могу судить, это восемь рун, объемных и крайне сложных, соединённых между собой. Я таких никогда не видел и не знаю что они означают.

— Полагаю что-то связанное с огнём? — Лука впервые за два дня улыбнулся.

— Определенно, синьор. Эта руническая формула подчиняет огонь, отлить её из серебра легко, закрепить в нее кристалл кварца тоже не проблема. Осталось только придумать как поместить это все в изолирующий слой золота.

— Кто-нибудь может тебе помочь? Более опытный, к тому же тот, кому можно доверять?

— Боюсь только глава гильдии — безрукий Фабрицио может что-то знать, но он сразу сдаст меня пернатым. Мы с ним вусмерть разругались. А кроме него только мастер Маллис, но он давно ушёл из гильдии в подполье и успешно составляет мне конкуренцию делая на заказ магические кольца.

— Может послать Ника в гильдию, пусть выкрадет книг, записок, все что может пригодиться.

— А вы не могли бы, ну... — Лука рывком поднял руку ладонью вверх и сжал кулак, — вызвать одного ювелира? Моего наставника — Жакомо Левренти.

— Ты знаешь где он похоронен?

— Да, но его кремировали.

— Тогда вряд ли получится.

— Жаль, но может это и к лучшему... Что ж, есть ещё кое-кто, но с ним будет непросто.

— Неужели сложнее чем с мертвецом?

— Ох, синьор, если бы вы знали Гаспара! Проще дьявола уговорить в плуг запрячься, чем добиться внятного разговора с этим сумасшедшим.

— Если он в храмовой лечебнице я устрою тебе встречу.

— Нет, он не такого рода безумец. Да и живёт он в лесной чаще. Он убежденный киникиец и просто ненавидит людей. Но ювелир отменный, преподавал в гильдии натурологию.

— Циник, значит, очень интересно. А какого течения, ранне- или позднелаурского?

— Не имею понятия, и если спрошу, то услышу что-то вроде "этот вопрос не сношает твой ум ни в одну извилину", или ещё какую грубость. Это несмотря на то, что ко мне он относился более-менее сносно.

— Ну вот видишь, не так все и плохо. Сходи к нему, аккуратно выведай что сможешь, без подробностей конечно. Если не захочет или не сможет помочь – найдем другие варианты. Мы теперь, судя по всему, не спешим, юноша.

— Попробую. Он скрылся от ненавистного общества в лесу, но был один человек которого Гаспар уважал, или точнее, терпел, – как раз мой наставник Жакомо. Я попытаюсь воззвать к его памяти.

— Это называется манипуляция, Луче. — Энрико одобрительно похлопал его по плечу.

Улицы Октавиона по большей части представляют крутые подъемы, и не понятно, проклинать или славить древнюю империю за мощёные ступени. Путь через весь город занял пол дня. Оливер бы юркнул в случайный проулок и за пять минут оказался где нужно. Если бы только Анима Террана текла не с востока на запад, а прямо до северных ворот, Лука бы добрался до них меньше чем за час.

На подходе к воротам Лука догнал скромную телегу и, убедившись что едет она в направлении старого некрополя, влез попутчиком.

Ближе к вечеру он шёл по огромному древнему кладбищу. Могилы и склепы мелких синьоров на окраине постепенно сменились огромными мраморными дворцами, что под арочными сводами хранили покой давно усопших великих. Вид кладбища вновь напомнил о брате. Его могилу он никогда не найдет, тело бросили в яму... горло сдавило, но он сдержал слёзы.

Юноша срывал все бесхозные цветы по пути, походная сумка при наклоне съезжала с плеча и норовила упасть. Если бутылка разобьется — Гаспар открутит ему голову.

Лука сделал небольшой крюк, чтобы в полной мере насладиться архитектурными изысками. Скульптура в виде гранитной амфоры, висящей в воздухе на потоке изливающейся мраморной воды – могила Сьерро Тарквина, инженера что спроектировал городскую канализацию. Неподалёку статуя воина, скрестившего два копья – место упокоения героя пер-

вой Файденской войны, кондотьера Франческо Барра.

Чуть не заблудившись в центре некрополя, сделав пару кругов, юноша нашел неприметную могилку. На мраморной табличке была надпись: "Жакомо Левренти" над которой блестел золотой круг.

Лука сложил руки и опустил голову, он мысленно поблагодарил наставника за всё что тот для него сделал, чему научил, безмолвно попросил у мастера помощи в его нелёгком деле и, возложив пышный букет, двинулся дальше.

Величественный безмолвный город остался позади, могилки вновь стали простыми и угрюмыми. То тут то там меж надгробий промелькивали молодые деревья. Леса ещё не было видно, но Лука уже его слышал.

Цепляясь за корни Лука взобрался на крутой пригорок и наконец увидел его— бескрайний зелёный простор Скрипичного леса занял всю низину. Красное солнце уже подходило к горизонту, Лука замешкался стоя на вершине кручины, – ночевать на старом кладбище ему хотелось не больше чем в лесу, и лучше бы привалиться тут, на границе двух территорий.

Он бы там и остался до утра, если бы не заметил недалеко в чаще тоненькую струйку дыма. Оценив с высоты расстояние, Лука решил идти — в худшем случае ровно к закату должен успеть. Он никогда не ходил к Гаспару, но слышал рассказ человека, который до него все же добрался, правда получил пинок под зад и в ночи побрел обратно. Судя по

всему, дым исходил как раз из его хижины.

Лука осторожно спустился в низину и как только вошёл в лес — сразу потерял направление. Городские улицы всегда казались ему нелогичными лабиринтами с тупиками и ложными развилками, но лес, — это совершенное безумие. Впереди точно такие же деревья как и сзади, как и справа. А "справа" это где? Разве минуту назад это не было передом?

Стемнело слишком быстро.

— Тресклятый идиот! Куда я поперся!?

Он надел кольцо с опалом и сжал в правой руке стилет, выданный Ником. Проклятая сумка болталась и съезжала с плеча. От шороха поблизости по спине пробежали мурашки. Лука остановился и прислушался. Ничего не слышно.

За спиной раздался рык. Он резко обернулся, от движения сумка слетела с плеча на землю. В сумерках, между деревьями волк скалил пасть и утробно рычал. Робкий юнец замер от ужаса.

Зверь бросился на лёгкую добычу и тут же взвыл, уткнулся башкой в траву и стал рвать передними лапами морду. Острое обоняние хищника было атаковано незнакомой вонью, человек убежал прочь.

Сердце рвалось из груди вперёд самого Луки. Он бежал что было сил. Бесполезно, волки так и охотятся. Одному он перебил нюх, может даже ослепил на время. А другие? Сколько вообще раз он может использовать эфирное кольцо?

В ушах стучали барабаны, правый бок уже перестал ко-

лоть, но грудь горела огнём. Пот ручьём. Он слишком сильно пахнет сладким страхом.

Справа выскочил белый зверь. Лука дернулся от него и махнул рукой наотмашь, распыляя жгучий миазм горячей серы. Будто невидимым кнутом он стеганул волка по морде, белый взвыл и отстал.

Вой и рык со всех сторон. Окружили? Или мерещится со страху? Лука бежал без оглядки и за очередным деревом увидел близкий свет огня. Через мгновение уже выскочил на опушку, где стояла приземистая хатка. В окнах горел яркий свет.

Четверо волков выпрыгнули следом. Лука врезался в дверь со всех ног, но она была заперта, в нервном исступлении он заколотил по ней. Неистовый утробный рык подбирался к его спине.

— Гаспар! Открой!

Дверь рывком открылась и за ней стоял не иначе как разъяренный медведь. Огромный мужик с воплощённой ненавистью на обросшем лице замахнулся на юношу какой-то заточкой и ударил сверху вниз. Лука еле отпрыгнул, стамеска для резьбы по дереву прошла в пальце от его лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.